

ВЛАДИСЛАВ ШВЕД

ЛИТОВСКИЙ ЛАБИРИНТ*

Горбачев и январские жертвы

Сегодня не вызывает сомнений, что Горбачев был готов “отпустить” Прибалтику, но его пугала реакция так называемых “консерваторов” в КПСС. Согласие с ультимативным выходом Литвы из Союза могло стоить ему поста Генерального секретаря и Президента СССР.

На острие этой проблемы оказались коммунисты Литвы, оставшиеся в КПСС. Они стремились к тому, чтобы максимально самостоятельная Литва или осталась в обновленном Союзе, или же, если выходила из Союза, то по Закону СССР, который гарантировал бы социально-политические гарантии национальным меньшинствам, проживающим в республике, и людям, решившим выехать из нее.

Ситуацию для Горбачева усугубляло то, что позиция коммунистов Литвы (КПСС) получила полную поддержку членов Пленума ЦК КПСС. Напомним, что секретари ЦК Компартии Литвы сумели на трех Пленумах ЦК КПСС (в декабре 1989-го, феврале и марте 1990 г.) убедить членов ЦК КПСС не поддерживать половинчатые решения по Литве, предлагаемые Горбачевым. Именно по их настоянию Горбачев был вынужден совершить поездку в Литву в январе 1990 г.

В итоге Компартия Литвы (КПСС) стала представлять для Горбачева большое неудобство, и ее следовало нейтрализовать. А заодно нанести очередной удар по КГБ СССР и Советской Армии, которые также могли воспротивиться плану Горбачева—Буша. Подобная позиция Кремля более чем устраивала Ландсбергиса. Его наполеоновская мечта стать в Литве “Спасителем Отечества” в этом случае обретала реальность.

Далее дело стало за технической реализацией задуманной многоходовой провокации, завершившейся кровавыми событиями 13 января 1991 г. Однако бывший генсек и президент все 20 лет, прошедшие после трагических событий в Вильнюсе, утверждает, что “в Литве всё произошло за его спиной”.

В интервью “Московскому комсомольцу” от 28 июня 1995 г. под названием “Громоотвод” Горбачев заявил: “...уже не считалась с президентом эта сволота. Но я-то думаю, что они хотели навязать мне свою бандитскую логику, повязать Горбачева кровью, поставить перед фактом, — вот о чем шла речь... Ну, я не знаю кто исполнитель, но ясно, что без Крючкова и Язова не могло обойтись”.

Судя по этому высказыванию, Горбачев именно В. Крючкова и Д. Язова считает “сволотой”, изначально решившей повязать его кровью. В интервью

* Окончание. Начало в № 8 за 2011 год.

Горбачев фактически утверждает, что “эта сволота” спланировала кровавые события, и советские военнослужащие в Вильнюсе 13 января стреляли в людей боевыми патронами. При этом он полностью игнорирует отчет Генерального прокурора СССР Н. Трубина, в котором аргументированно доказано, что действия советских военнослужащих не явились причиной смерти ни одного человека, погибшего январской ночью в Вильнюсе.

Весьма интересная позиция для бывшего руководителя государства – во имя спасения собственной шкуры бездоказательно обвинить свою страну в кровавом преступлении. Но для Горбачева это не впервой. В апреле 1990 г. он без должной проверки дал команду признать советскую вину за Катынь.

Как всегда в своих заявлениях, Горбачев ссылается на свидетелей, которые якобы подтверждают его непричастность. В интервью “Московскому комсомольцу” Горбачев апеллирует к неким ветеранам “Альфы”, которые якобы принесли ему “ту самую тетрадь, в которой директива была от руки написана (в других интервью он говорит о приказе от имени президента на штурм вильнюсской телебашни. – В. Ш.), но потом в клочья изорвана. Эту тетрадь восстановили...”

Сегодня с полной уверенностью можно утверждать, что Горбачев и в этом случае лжет. 26 марта 2011 г. в Москве состоялось общее собрание Международной Ассоциации ветеранов подразделений антитеррора “Альфа”, в котором принял участие около 300 человек. Его участнику единогласно приняли заявление о роли Группы “А” в январских (1991 г.) событиях в Вильнюсе.

В нем, в частности, говорится: “Мы с возмущением отмечаем, что последние двадцать лет бывший президент СССР М. Горбачев пытается снять с себя ответственность за драматические события в Вильнюсе. В своих многочисленных интервью он утверждает, что некие “бойцы из “Альфы” принесли ему “написанный от руки карандашом приказ от моего (Горбачева. – В. Ш.) имени, который потом разорвали. Кто-то из них догадался собрать и сохранить клочки бумаги”.

При этом из высказываний М. Горбачева следует, что именно сотрудники Группы “А” виновны в смерти людей у вильнюсской телебашни – якобы таким образом некая сила пыталась “повязать его кровью”. Решительно заявляем, что сотрудники “Альфы” не использовали при штурме здания вильнюсского радиотелекомитета и телебашни ни одного боевого патрона. Их действия ночью 13 января 1991 года не стали причиной гибели ни одного литовского гражданина.

Также заявляем, что Группа “А” всегда действовала на основании приказов, полученных непосредственно от своих руководителей. Никому из нас неизвестен рукописный приказ от имени Президента СССР, предписывавший штурм вильнюсской телебашни. Нам также неизвестны некие “бойцы Альфы”, которые якобы передали М. Горбачеву обрывки такого документа.

Утверждаем, что вышеприведенные заявления М. Горбачева не соответствуют действительности и направлены на то, чтобы скрыть свою причастность к драматическим событиям в Вильнюсе в январе 1991 года.

Сегодня известно, что жертвы у вильнюсской телебашни – дело рук “боевиков” так называемого министра обороны Литвы А. Буткявичюса. Ветераны “Альфы”, участники операции, свидетельствуют: с крыш соседних с телебашней домов некие лица вели огонь на поражение такой силы, что для прикрытия выходявших из здания “альфовцев” пришлось вызывать бронетранспортеры” (См. http://www.alphagroup.ru/press-service/news_association/2888).

Надо отметить, что в 1991 г. и позже прикрываться ложью Горбачеву во многом помогали тот же Крючков и Трубин. Прокурор Трубин в своем – в основном объективном – отчете о событиях в Вильнюсе стрелки ответственности перевел на местных коммунистов и военных. Якобы был создан некий Комитет национального спасения Литвы, который попросил помощи. А некие дружинники, представляющие этот Комитет, крайне нуждались в защите военных.

Крючков в своих мемуарах “Личное дело”, к сожалению, повторил измышления Трубина и о Комитете национального спасения Литвы, и о рабочих дружинах, на помощь которым якобы были вынуждены придти военные. В определенной степени свидетельства Трубина и Крючкова способствовали осуждению в 1999 г. М. Бурокавичюса, Ю. Куолялиса, Ю. Ермалавичюса и др. деятелей КПЛ/КПСС.

Однако даже у людей, далеких от политики, не вызывает сомнений, что так называемый Комитет национального спасения Литвы являлся не более чем вывеской, за которой ничего — и никого! — не было. Несмотря на многолетние попытки литовской прокуратуры установить его состав, этого так и не удалось сделать. Не было и специально подготовленных рабочих дружин. То был обычный партийный актив. Но для усиления эффекта московские деятели обозвали его рабочей дружиной. Прямо как в 1905 г. на Красной Пресне.

Все эти структуры были придуманы в Москве только для того, чтобы вывести из-под удара Горбачева и его окружение. Хотя для наведения порядка в Литве следовало руководствоваться не просьбами мифического Комитета национального спасения Литвы, а положениями Законов СССР: “Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза СССР”, “О правовом режиме чрезвычайного положения” и “О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР”.

В Вильнюсе можно было бы обойтись без применения военной силы. Показательно, как несколько месяцев спустя после событий у телебашни сепаратисты отреагировали на сообщение об образовании ГКЧП. Они просто исчезли. Но Горбачев изначально не был заинтересован в наведении порядка в Литве.

Примечательно высказывание Ландсбергиса (“Дейли мейл”, 7 апреля 1990 г.) о том, что “Горбачев... в течение двух лет наблюдал за ростом нашего движения за независимость. Он мог бы остановить его в любой момент... Но он его не остановил”.

Причем остановить литовских сепаратистов можно было не только запретами, но и сбалансированными уступками Центра. Взять, к примеру, такую архиважную проблему, как реформирование Союза ССР. В 1989 г. прибалты предложили в качестве модели для обновленного Союза конфедерацию, но она не была воспринята в Москве. В 1990 г. конфедерация представлялась Горбачеву уже как оптимальная модель, но было поздно. Ландсбергис почувствовал слабость Горбачева и пошел “ва-банк”. Только полная независимость!

А всё началось весной 1988 года. Тогда с подачи Яковлева Горбачев дал указание КГБ СССР начать организацию неформальных общественных движений, которые должны были потеснить на общественно-политическом поле КПСС. Так родился “Саюдис”. Как уже говорилось, в августе 1988 г. Горбачев направил в инспекционную поездку по Прибалтике Яковлева, который поддержал “Саюдис”. Вскоре лидеры Движения открыто объявили, что их цель — разрушение советской империи. Но Горбачев на это не отреагировал.

В дальнейшем, когда Ландсбергис и его клика вообще перестали считаться с Кремлем, Горбачев хранил спокойствие, ограничиваясь никчемными заявлениями и неисполняемыми Указами. Что же касается вильнюсских событий, то объяснения президента и главнокомандующего Горбачева о том, что он был не в курсе, вызывают лишь ироническую улыбку. Этого не могло быть в принципе, так как вильнюсская силовая акция была уже третьей военной акцией, о которой Горбачев якобы был “не в курсе”.

Напомним, что при разборе причин тбилисской трагедии на Политбюро ЦК КПСС (апрель 1989 г.), Горбачев обратился к Председателю КГБ СССР В. Крючкову и Министру обороны СССР Д. Язову со следующим предупреждением: “Я на тебя смотрю, Владимир Александрович! (Крючков)... Дмитрий Тимофеевич (Язов)! Запомни навсегда и сегодня же отдай приказ: отныне без решения Политбюро армии в гражданских делах запрещать участвовать”.

И Крючков, и Язов прекрасно помнили, как в мае 1987 г. Горбачев за посадку М. Руста на Красной площади расправился с советским генералитетом. Однако после “грозного” тбилисского предупреждения армия и КГБ осуществили операцию по наведению конституционного порядка и предотвращению погромов в Баку (январь 1990 г.). Горбачев тогда вновь заявил, что он не в курсе и приказ на применение военной силы в Баку отдали Крючков и Язов. Однако никаких оргвыводов в отношении “самовольщиков” не последовало. Более того, буквально через три месяца после бакинских событий, 28 апреля 1990 г. Горбачев своим Указом присвоил Язову звание Маршала Советского Союза!

Следует иметь в виду, что и Язов, и Крючков являлись выдвиненцами Горбачева и Яковлева. Оба по характеру были “ведомыми”, то есть прекрасно работали в качестве замов, но вот самостоятельности и инициативы в ка-

честве первых лиц у них явно не хватало. Эту черту характера у Крючкова отметил Маркус Вольф, начальник разведки ГДР. Вольф — человек-легенда в плане организаторских способностей и работы с людьми. Его мнение дорого стоило.

Помимо всего, Крючков и Язов прекрасно знали, что Литва находится на особом контроле у Буша. А Михаил Сергеевич весьма трепетно относился к замечаниям со стороны американского президента. Могли ли в этой ситуации Крючков и Язов пойти на авантюру? Нет, конечно. Как известно, после вильнюсских событий Горбачев не предъявил никаких претензий ни Крючкову, ни Язову, хотя в 1995 г. назвал их “сволотой”!

Бывший советский диссидент Владимир Буковский в обращении в Магистратский суд Вестминстера о привлечении Горбачева к уголовной ответственности (март 2011 г.), подметил осознанную последовательность в действиях бывшего президента СССР: “Я убежден, что Горбачев несет персональную ответственность как главнокомандующий вооруженных сил за все человеческие жертвы. Та последовательность, с которой Михаил Горбачев отдавал приказы о вводе войск сначала в Тбилиси, затем в Баку, а потом в Вильнюсе, не оставляет сомнений, что он полностью понимал происходящее”. Аргументация Буковского достаточно убедительна.

Существует ряд свидетельств, подтверждающих, что Горбачев знал о предстоящей силовой акции в Вильнюсе. Об этом писал Владимир Крючков в мемуарах “Личное дело. Три дня и вся жизнь”. Крючков утверждал, что 10 января 1991 г. Горбачев дал указание ему, Язову и Пуго применить силу и направить в Вильнюс небольшую группу спецназа, известного как группа “Альфа”.

Леонид Замятин, бывший завотделом ЦК КПСС утверждал, что после ночных событий в Вильнюсе Горбачев в присутствии помощников позвонил в Министерство обороны и спросил: “Что происходит в Вильнюсе, почему не докладываете?”. У собеседника на другом конце провода буквально отвисла челюсть: “Вчера же с Вами, Михаил Сергеевич, был на эту тему подробный разговор...”

14 мая 2011 г. К. Прунскене, участвовавшая в телепередаче, посвященной М. Горбачеву, в рамках проекта “НТВшники”, рассказала о последних минутах своего разговора с Горбачевым, состоявшегося в Кремле 8 января 1991 г. Уходя, Прунскене спросила Президента СССР, будет ли применено насилие в отношении Литвы? Горбачев предложил ей за ответом обратиться к министру обороны СССР Язову.

Известно, что когда лукавый руководитель не хочет давать ответ на неприятный вопрос, он переадресовывает его доверенному подчиненному. Ответ Горбачева Прунскене подтверждает, что 8 января Президент уже знал о намечаемой силовой акции в Вильнюсе, поэтому предпочел перевести стрелки на исполнителя его приказа Язова. Рассуждения в этом случае о том, что Горбачев был заложником военных, просто смешны. Вспомним, как лихо, вплоть до своей отставки в декабре 1991 г. Горбачев тасовал своё окружение, в том числе и военное.

Ну, а Язова наиболее ярко характеризует его восклицание во время ареста по делу ГКЧП: “Простите, меня, старого дурака!”. В этом весь маршал с его комплексом чиновничества. Он был верным исполнителем, на которого Горбачев в случае необходимости перекладывал ответственность.

О том, что намечаемая силовая акция в Вильнюсе была согласована с Горбачевым, могу засвидетельствовать и я. 9 января 1991 г. я должен был вылететь в Париж. Однако 8 января 1991 г. поздно вечером мне пришлось вернуться в Вильнюс. 10 января утром у меня в кабинете загудел телефон “ВЧ”. В трубке послышался голос секретаря ЦК КПСС Олега Шенина, который сказал: “Сейчас с вами будут разговаривать”.

С удивлением — почему надо было звонить через Шенина — я услышал в трубке голос Горбачева, который, не представляясь, поинтересовался, пойдут ли я на заседание Верховного Совета Литвы. Я ответил утвердительно. Тогда Горбачев сказал, что я должен озвучить на заседании ВС жесткую позицию руководства СССР относительно возобновления действия Конституции СССР на территории Литвы (он имел в виду свое заявление, направленное в ВС Литовской ССР). Заканчивая разговор, Горбачев добавил, что “мы пойдем в отношении Литвы на самые жесткие меры”.

Я подумал, что имеется в виду или арест сепаратистов, или ужесточение экономических мер, потому что бряцание оружием, как это было в Тбилиси

и Баку, дало только негативный эффект и укрепило позиции сепаратистов. Но произошло самое худшее.

Не вызывает сомнений, что Горбачев и Ландсбергис действовали, подыгрывая друг другу. В этой связи повторим заявление Витаутаса Петкявичюса о том, что «штурм башни и оборона всего остального были подготовлены с обеих сторон: М. Горбачевым и В. Ландсбергисом...» («Обзор» от 14 октября 2002 г.)

О полном бесстыдстве и отсутствии нормальной логики у Горбачева говорит следующий факт. Через два с половиной месяца после вильнюсских событий, 28 марта 1991 г. открывался III (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Ночью в канун открытия Съезда по указанию Президента СССР в Москву вновь были введены войска, взявшие в кольцо центр столицы. Но Горбачев, вновь без тени смущения, в четвертый раз публично заявил, что это сделано без его ведома.

Напомним также о лжи, которой Горбачев окружил события августа 1991 г. О неадекватности его мышления свидетельствует высказывание о том, что никто и никогда не узнает полной правды об августовских событиях. Подобная балансировка на грани правды и лжи уже свидетельствует о некоем психическом комплексе. К сожалению, такой человек 6 лет руководил великой страной! Повторение подобной ситуации может стоить для России будущего.

Завершение рассказа о предательской политике бывшего Генсека ЦК КПСС и Президента СССР следующими фактами. В 1990–91 гг. глава Департамента охраны края Литвы А. Буткявичус свободно ездил по воинским частям Советской Армии и уговаривал офицеров переходить на службу в литовскую армию. Командование воинских частей не возражало против этих визитов. На все вопросы следовал один ответ – «Москва дала такое указание».

Известен также факт продажи в декабре 1990 г. штабом Прибалтийского Военного округа Департаменту охраны края 215 единиц военной техники. Без команды из Москвы такая сделка была бы невозможна. После этого самое время поразмышлять о «самоотверженной» борьбе Ландсбергиса и «саюдистов» за независимость Литвы. На самом деле решающий вклад в обретение Литвой независимости внес Кремль. Подтверждение этому последовало в августе 1991 г., когда произошёл весьма странный так называемый «путч».

Кстати, спрогнозировать подобное развитие событий было достаточно просто. Оно было очевидно любому мыслящему человеку. Американский журналист Роберт Каллен после анализа вильнюсских событий января 1991 г. сделал вывод, что «это только трагическая репетиция будущих событий».

К аналогичному выводу пришёл и я. В этой связи расскажу об одном случае. В феврале 1991 г. на встрече с московскими чекистами на вопрос о том, чего следует ожидать в дальнейшем, я ответил: «В ближайшие полгода наиболее вероятно провокация, которая окончательно подорвет авторитет КГБ и Армии». Удивительно, но моя фраза имела последствия и для меня. На основании этого прогноза кое-кто из руководства КГБ после августовских событий записал меня в резиденты ЦРУ. Якобы только ЦРУ располагало информацией о готовящихся в августе 1991 г. событиях, хотя подобное развитие событий было более чем очевидно.

Московский путч положил конец правовому двоевластию в Литве, и Ландсбергис стал полновластным хозяином. 22 августа 1991 г. Верховный Совет Литвы стал штамповать драконовские законы в отношении Компартии Литвы/КПСС и других организаций, выступавших от имени союзных властей. Под ударом оказались люди, которые с 11 марта 1991 г. по 22 августа 1991 г. жили по советским законам.

Я как депутат Верховного Совета Литвы в тот период пользовался относительной свободой. Узнав, что в начале сентября 1991 г. в Москве должен состояться Чрезвычайный внеочередной съезд народных депутатов СССР, я решил обратиться с заявлением к этому съезду. Не буду рассказывать перипетии, которые пришлось пережить мне, пока я нашел двух народных депутатов, которые согласились передать мое заявление Горбачеву. Это были Попов Филипп Денисович, народный депутат СССР, и Казначеев Виктор Алексеевич, народный депутат РСФСР, в свое время работавший с Горбачевым в Ставропольском крайкоме партии.

Они сумели передать женщине, которая обеспечивала связь с президиумом Съезда, мое заявление. Они также наблюдали реакцию Горбачева на не-

го. Он, хмурясь, прочитал его и небрежно отбросил в сторону. В этой связи я позволю привести основные выдержки из этого письма. В нем не было ничего личного. Была лишь просьба защитить граждан СССР, бросаемых на произвол судьбы в независимой Литве.

“Чрезвычайному съезду народных депутатов СССР

22–24 августа 1991 года произошел фактический выход Литовской республики из состава СССР. На территории республики действуют только её законы. Вместе с тем в Литве проживают 630 тысяч человек, высказавшихся в марте сего года за Литву в составе СССР и считающих себя гражданами СССР.

Их позиция во многом была определена решениями III Съезда народных депутатов СССР, соответствующими Указами Президента СССР и постановлениями Совета Министров СССР. Сегодня в республике это объявлено незаконным. Жертвой решений литовских властей, прежде всего, стали коммунисты Литвы, которые главной целью ставили защиту прав человека.

... В настоящее время деятельность Компартии Литвы запрещена. Положение коммунистов республики сегодня усугубляется тем, что постановлением Верховного Совета Литвы от 22 августа 1991 года “О деятельности структур КПЛ (КПСС) в Литве” вся предыдущая деятельность КП Литвы объявлена преступной и незаконной.

В этой связи хочется задать вопрос народным депутатам и Президенту СССР, что они ответят жителям Литвы и бывшим коммунистам, деятельность которых основывалась на Конституции СССР, решении III Съезда народных депутатов СССР и Указах Президента СССР?

Кто гарантирует защиту прав граждан СССР в Литве? Кто ответит за жертвы войны законов СССР и Литовской республики?

28 августа 1991 г.

*Депутат Верховного Совета Литвы
В. ШВЕД”.*

Я не рассчитывал на какую-то особую реакцию Съезда. Достаточно было подтвердить, что граждане СССР и созданные ими организации, находившиеся в 1990–1991 гг. в Литве и руководствовавшиеся законами СССР, не подлежат уголовному преследованию за свою позицию. Но Горбачев так и не поставил этого вопроса на обсуждение Съезда. Хотя по всем юридическим канонам, накануне принятия решения о признании независимости Литвы, следовало бы вернуться к решениям III Съезда НД СССР. С учетом вышесказанного, какие-либо дискуссии в отношении того, каким политиком и человеком был Горбачев, для меня выглядят просто смешными. Не вызывает сомнений, что Иуда и подлец – это самые мягкие эпитеты, которых заслуживает бывший президент СССР. Но история ещё даст ему оценку.

Вышеприведенное заявление так и кануло бы в архивах Съезда. Но, к счастью, оно попало на стенд, предназначенный для ознакомления народных депутатов. В итоге его заметил бывший корреспондент газеты “Правда”, в советские времена архистойкий коммунист, а в сентябре 1991 г. уже ярый сторонник независимости Литвы Д. Шнюкас. Моё заявление в адрес Съезда он расценил как очередную попытку воспрепятствовать процессу обретения Литвой независимости. Шнюкас послал в литовские СМИ злобную статью о Шведе под названием “Кто вставляет палки в колесо литовской независимости?”.

Так факт моего обращения к Съезду был публично подтвержден. Но не более. Горбачев в сентябре 1991 г. без малейшего колебания “сдал” 630 тысяч граждан СССР в Литве, поверивших его заявлениям. 6 сентября 1991 г. некий сомнительный орган под названием Государственный Совет СССР без всяких оговорок и условий принял решение о выходе Литвы из СССР.

“Саюдис” — дитя Кремля и КГБ

Настало время поговорить о “Саюдисе”, оседлав который, Ландсбергис вошел в историю Литвы как “отец независимости”.

Весной 1988 г. Горбачеву стало ясно, что его перестройка встречает всё большее противодействие. Виновником этого Генсек считал партийный аппа-

рат, хотя к этому времени он его сумел дважды сменить. Главный идеолог перестройки секретарь ЦК КПСС Александр Яковлев, понимая, что сменой кадров проблему не решить, предложил создать подконтрольные общественные организации, которые могли бы стать политическим противовесом КПСС. То есть в какой-то мере повторить опыт царского жандарма полковника Зубатова, создававшего в России начала XX века подконтрольные рабочие кружки и профсоюзы.

Идея Яковлева сама по себе заслуживала внимания. Не секрет, что многие региональные партийные лидеры “забронзовели” и считали подведомственные регионы своими вотчинами. Во время поездок в 1990 г. по Украине и России я это хорошо почувствовал. Но исполнять ее надо было совершенно по-другому.

В этой связи следует рассказать об одном разговоре, невольным свидетелем которого я стал осенью 1990 г. в пустом буфете ЦК на Старой площади (основное здание ЦК КПСС). Двое сидели за столиком и, сдвинув головы, о чем-то спорили. Я присел незамеченным за соседний столик и случайно услышал несколько фраз. Спор шел о том, как затею с общественными движениями в национальных республиках вернуть под контроль ЦК. Один считал, что следует жестко применять законы, другой настаивал на диалоге с национальными лидерами. Одного из персонажей спора они называли “колченогим”, другого “он”. Тут они заметили меня и, допив кофе, удалились. Поразмыслив, я понял, что собеседники имели в виду Яковлева и Горбачева и неудачную реализацию идеи с подконтрольными общественными движениями в национальных республиках.

Судя по примеру Литвы, дело по созданию движений и фронтов в поддержку перестройки поручили КГБ СССР. Не случайно по всей стране в течение весны и лета 1988 г., как по мановению палочки, стали создаваться общественные организации в поддержку перестройки. Однако этот процесс вскоре вышел из-под контроля КГБ и приобрел неуправляемый стихийный характер. Поэтому утверждать, что в тот период все организации создавались с подачи КГБ, весьма опрометчиво.

Что же касается Литвы, то к созданию “Саюдиса” литовский КГБ несомненно приложил руку. Об этом говорил партийный актив республики. Ну а Витаутас Петкявичюс в книге “Корабль дураков” впервые публично раскрыл некоторые аспекты этой операции. Но прежде чем говорить о роли КГБ в организации Движения за перестройку, следует напомнить историю литовских “Саюдисов” (в переводе – Движение, а точнее всенародное движение).

Литовский историк А. Шапока в труде “История Литвы” уделил много внимания вопросам народнических движений-саюдисов в истории литовского государства (с. 495). Начало первого народного саюдиса Шапока отнес к началу XIX века. Этому он посвятил специальную главу “Народнический саюдис жемайтского дворянства в начале XIX века” (стр. 455). Идеальным руководителем жемайтского саюдиса был литовский епископ Юозас Гедрайтис. В условиях продолжающегося ополячивания и начавшейся русификации Литвы этот саюдис главной задачей ставил возрождение и сохранение литовского языка, литовской культуры и истории. Но он имел локальное значение, так как Жемайтия была лишь частью Литвы.

Подлинный общенациональный размах в Литве саюдис, как инструмент и проявление национального возрождения, приобрел в середине XIX века. На первом этапе его идейными вдохновителями, как правило, были литовские деятели католической церкви. Впоследствии в это движение активно включились представители литовского дворянства и нарождающейся интеллигенции. В 1863 г. первый “Саюдис” стал идейным глашатаем польско-литовского восстания. Его история закончилась вместе с поражением этого восстания.

Второй “Саюдис” (моя периодизация “Саюдисов” весьма условна) охватил период конца XIX и начала XX века. Это было время интенсивной русификации Литвы, проводимой царским правительством после восстания 1863 г. В этот период лидеры “Саюдиса”, побаиваясь царских репрессий, выступали вроде бы против ополячивания Литвы, но на деле против русификации. Второй “Саюдис” завершился 16 февраля 1918 г. заявлением о независимости Литвы и провозглашением в мае 1920 г. первой Литовской республики.

Третий “Саюдис” возник в 1940 году, после вхождения Литвы в состав Советского Союза. В августе 1941 г. его упомянул в своей речи Леонас Прапуленис (Prapuolenis), уполномоченный “Фронта литовских активистов” во время встречи с нацистским генеральным комиссаром Литвы фон Рентельном. “Саюдис” прозвучал в речи Прапулениса, дабы подчеркнуть исторические корни “Фронта литовских активистов” и показать его всенародную поддержку в Литве.

Об этом Фронте (в дальнейшем будем употреблять литовское сокращение LAF), явившемся организационной основой и движущей силой третьего “Саюдиса”, следует рассказать несколько подробнее. Он был создан в Берлине в июле 1940 г. Возглавил его бывший литовский посол в Берлине полковник Казис Шкирпа, сотрудничавший с Абвером.

Германское нацистское правительство через Абвер щедро финансировало LAF и обеспечивало его материальное снабжение. Активисты LAF, по советничеству агенты Абвера, с конца 1940 г. активно засылались в Литву. С собой они везли инструкции по созданию подпольных организаций LAF и указаний, как им следует действовать.

Эмиссары LAF, нелегально прибывшие в Литву в 1940–1941 гг., говорили о скором нападении Германии на СССР и о том, что тогда “литовцы должны поднять восстание в тылу Красной Армии и развернуть большую диверсионно-подрывную работу по взрыву мостов, разрушению железнодорожных магистралей, нарушению коммуникаций”. Эта цитата взята из сообщения бывшего капитана литовской армии Михелькявичюса на подпольном собрании, состоявшемся 20 декабря 1940 г. в местечке Якубово Кретингского уезда.

19 марта 1941 г. на территории Литвы была перехвачена листовка Литовского информационного бюро в Берлине, в которой говорилось: “Час освобождения Литвы уже близок. Когда начнется поход с Запада, Вы в этот же момент будете информированы... В это время в городах, местечках и деревнях поработанной Литвы должны возникнуть местные восстания, точнее говоря, взятие власти в свои руки. Сразу надо арестовать местных коммунистов и других предателей Литвы, чтобы они не избежали расплаты за свои действия (предатели будут только тогда помилованы, когда они сумеют доказать, что они ликвидировали хотя бы по одному еврею).

Там, где вы еще не подготовлены, организуйтесь маленькими тайными группами. Когда начнутся военные действия, в тыл будут выброшены парашютисты. Немедленно установите с ними связь и помогайте им... Уже сейчас “информируйте” евреев, что их судьба ясна, поэтому пусть сегодня же убираются из Литвы. В решительный момент берите их имущество в свои руки, чтобы ничего не пропало”.

О том, что нацисты придавали особое значение националистическому подполью в Литве, свидетельствует следующий факт. Первый сигнал о готовности к вторжению Германии на территорию СССР “лафовцы” в Литве получили в мае 1941 г. Известно, что Гитлер первоначально планировал нанести удар по СССР 15 мая. Но упорное сопротивление югославов вторжению вермахта отодвинуло этот срок на июнь.

Однако информация о готовящемся нападении Германии на СССР уже была передана в Литву. Подпольные ячейки LAF проявили активность, и часть из них были раскрыты НКВД. Это во многом обусловило депортацию враждебных элементов из Литовской ССР 14 июня 1941 г. в районы Сибири. Однако основная часть агентуры Абвера и LAF уцелела. Они дождались указаний из Берлина организовать вооруженное выступление утром 22 июня 1941 г.

Бывший сотрудник органов госбезопасности Литовской ССР Нахман Душанский в своей биографии указал, что буквально накануне нападения Германии на СССР ему довелось переводить текст листовки с грифом “Вскрыть только 22/06/1941”, изъятый у задержанного агента LAF (<http://www.lka.lt/EasyAdmin/sys/files/Snieckus02.pdf>). Указание в листовке сверхсекретной даты нападения на СССР подтверждает, что в планах гитлеровцев по разгрому СССР агенты-активисты LAF занимали далеко не последнее место.

Эти агенты тесно сотрудничали с немецкой “пятой колонной”, пустившей в сметоновский период глубокие корни в Литве. Достаточно сказать, что накануне вхождения Литвы в СССР там имелось около 300 немецких предприятий, 800 торговых точек и множество культурных учреждений. Фактически это были опорные пункты Абвера, которые позволяли тому обеспечивать надежное прикрытие большого числа как своих, так и агентов LAF.

В июне 1941 г. агенты LAF и диверсионные группы Абвера явились основной силой, обеспечившей захват власти в Литве. Так, в Каунасе действовали четыре крупные “партизанские группы”, с которыми немцы поддерживали тесную связь. 23 июня в 11.30 “партизаны” вместе с агентами 2-го отдела Абвера (<http://berkovich-zametki.com/2006/Zametki/Nomer2/Haesh1.htm>) захватили каунасскую радиостанцию (23 июня отмечается в современной Литве как дата начала июньского восстания). В эфир было послано сообщение, что Советская власть в республике свергнута и создано новое правительство во главе с бывшим послом в Берлине полковником Казисом Шкирпой.

От имени “Фронта литовских активистов” по радио выступил один из его лидеров, уже упомянутый Леонас Прапуленис. Он выразил благодарность Гитлеру “за освобождение Литвы” и объявил состав “Временного правительства Литвы”. Кабинет министров возглавил К. Шкирпа, провозглашенный премьер-министром. Министром обороны был назначен бывший генерал литовской армии Стасис Раштикис (оба в тот момент находились в Германии, куда эмигрировали в 1940 году). Так как Шкирпа находился в Берлине, исполняющим обязанности премьер-министра стал профессор вильнюсского университета Юозас Амбразявичюс, а министром коммунального хозяйства – Витаутас Ландсбергис-Жемкальнис*.

Л. Прапуленис, ставший вместо К. Шкирпы главой LAF, несмотря на верноподданнические заявления фюреру, оказался в концентрационном лагере Дахау. В конечном итоге такая судьба ожидала всю национальную элиту Литвы, которая надеялась на какую-то самостоятельность Литвы под протекторатом германского Рейха.

Это сообщение активизировало подпольные группы LAF, которые сразу же приступили к арестам и ликвидации советских активистов, а также граждан еврейской национальности. Известно, что буквально в первые дни войны “повстанцы” жесточайшим образом уничтожили 5 тысяч членов советского и партийного актива, а также членов их семей. Сюда не входит значительное число буквально растерзанных евреев. В последнее время тема событий июня 1941 г. в Литве стала весьма популярной, поэтому вернемся к ней.

В июне этого года Литва широко отметила 70-ю годовщину Июньского восстания 1941 г. против Красной Армии и Советов. В торжествах по этому поводу принял участие весь политический истеблишмент республики во главе президентом и спикером Сейма. Однако организаторы торжеств предпочли умолчать, что так называемое всенародное восстание в июне 1941 г. было инспирировано спецслужбами нацистской Германии.

Известно, что после нападения Германии на СССР в июне 1941 г. и вторжения гитлеровских войск на территорию Литвы литовские “повстанцы” (тогда они называли себя партизанами) действовали не столько в интересах Литвы, сколько в интересах гитлеровского Рейха и вермахта. Об этом прямо говорилось в ранее упомянутой речи уполномоченного “Фронта литовских активистов” в Берлине Леонаса Прапулениса.

Прапуленис заявил, что LAF “сделал всё, что мог, чтобы облегчить поход закаленного в боях и самоотверженного немецкого солдата через наш край”, и кровь погибших литовских партизан “смешалась с кровью немецкого солдата-освободителя, сберегая её для его великой родины” (Германии. – **В. Ш.**).

Прапуленис особо подчеркнул, что LAF во времена большевистской оккупации “важнейшей задачей считал организацию нации по примеру национал-социалистической Германии”, дабы стать “достойным членом Новой Европы, создаваемой фюрером”. К этому уполномоченный LAF добавил, что истоки этого стремления кроются в декабрьском (1926 г.) перевороте, который установил в Литве авторитарный режим (режим А. Сметоны. – **В. Ш.**). Прапуленис высказал сожаление, что этот “правильный и своевременный поворот” не обеспечил Литве тех грандиозных результатов, которых достигла национал-социалистическая Германия. (Источник. "Išlaisvintas panevėžietis"/Liberated Panevėžys resident/, August 16, 1941 /№ 8).

* Примечание. 5 августа 1941 г. нацисты разогнали Временное правительство Литвы. Также была прекращена деятельность “Фронта литовских активистов”. Надобность в них миновала. Литва была включена немцами в Остланд и названа генеральной областью Рейха, разделенной на четыре округа – Вильнюсский, Каунасский, Шауляйский и Паневежский. Во главе каждого из них был поставлен немецкий окружной комиссар. Генеральным комиссаром Литвы был назначен А. фон Рентельн.

Речь Прапулениса свидетельствует о духовной и идейной близости литовских националистов и немецких национал-социалистов. Она подтверждает, что режим Сметоны по своей сути являлся разновидностью не полностью реализованного фашизма. В этой связи следует предложить литовским политикам и историкам и, прежде всего, депутату Сейма Литвы Алякнайте-Абрамикене, автору печально известной резолюции Парламентской Ассамблеи ОБСЕ 2009 года, отождествившей нацистский и коммунистический режимы, внимательно изучать высказывания своих политических предшественников. В них недвусмысленно говорится, кто на самом деле являлся близнецом и собратом гитлеровского нацизма.

Не следует также представлять литовских “партизан-патриотов” образца 1941 г., поборниками демократии и борцами за независимость Литвы. Они, участвуя в изгнании “советских оккупантов”, усердно расчищали дорогу нацистским оккупантам. Заявления этих патриотов о том, что ими двигала надежда получения из рук фюрера Германии независимости, просто смешны. Гитлер к этому времени уничтожил независимость большинства европейских государств, более могущественных, нежели Литва, часть которых вошла в германский Рейх, а часть стала его бесправными вассалами. Почему же Литва должна была избежать этой участи?

Всё это в Литве замалчивается. Тем не менее, накануне торжеств по поводу 70-й годовщины Июньского восстания, лидер Социалистического народного фронта Литвы Альгирдас Палецкис заявил, что “восстание было не естественным проявлением патриотизма, а хорошо спланированной диверсией, во главе которой стояли спецслужбы германского генерального штаба”.

На торжествах по случаю июньского восстания так и не прозвучала информация о сколько-нибудь значимых сражениях литовских “повстанцев-партизан” с Красной Армией. Собственно, их и не было. “Партизаны” предпочитали стрелять в спину отступающим дезорганизованным подразделениям и одиночным бойцам Красной Армии. Зато они отличились в расправах над безоружным мирным населением.

Лариса Страдалова, дочь лейтенанта-пограничника Красной Армии, в 2008 г. рассказала корреспонденту газеты “Литовский Курьер” о том, какую картину они с матерью увидели в Каунасе в июне 1941 г. “Когда вместе с другими беженцами мы с матерью пришли в еще не занятый немцами Каунас, в городке, где жили семьи комсостава Красной Армии, увидели жутчайшую картину: всюду валялись истерзанные, замученные тела женщин и детей. Это были члены семей военнослужащих, над которыми кровавую расправу вершили “белоповязочки” из числа восставших” (<http://www.kurier.lt/?r=11&a=6634>). И это далеко не единичный факт. Жестокость литовских националистов, выступавших под знаменем национального “Саюдиса”, просто поражает.

В этой связи следует вспомнить и расправы “белоповязочников” с еврейским населением. Вот как описал один из немцев первое массовое убийство евреев, произошедшее 27 июня 1941 г. во дворе гаража каунасского товарищества “Lietuvos ūkis” (“Литовское хозяйство”), сокращенно “Lietūkis”. Это свидетельство 21 мая 2009 г. обнародовал немецкий журнал “Der Spiegel” в статье “Гитлеровские пособники Холокоста в Европе”.

Немецкий полковник рассказал, что, проходя 27 июня 1941 г. в Каунасе мимо гаража “Lietūkis”, он услышал крики “браво”, аплодисменты, увидел, как матери поднимали детей повыше, чтобы те могли получше рассмотреть происходящее. Офицер подошел ближе и позже записал увиденное. “В забетонированном дворе светловолосый мужчина, лет примерно 25, среднего роста, отдыхал, опершись на деревянный кол толщиной в руку, который доходил ему до груди. У его ног лежало 15 – 20 человек, мертвых или умирающих. Вода из шланга смывала кровь в канализацию”.

И дальше: “Всего в нескольких шагах от этого мужчины под охраной нескольких гражданских стояли около 20 человек – молча покорно ожидали жуткой экзекуции. По короткому жесту руки один из них безмолвно сделал шаг и (...) был убит деревянным колом, и каждый удар зрители сопровождали радостными возгласами”. По свидетельству полковника, когда все были убиты и лежали на земле, убийца влез на гору трупов и заиграл на аккордеоне. Зрители запели национальный гимн, словно эта кровавая оргия была национальной церемонией (<http://www.litjews.org/Default.aspx?Element=ViewArticle&ArticleID=1849&TopicID=64&Lang=RU>).

Литовский историк Арвидас Анушаускас, бывший заместитель генерального директора Центра изучения геноцида и резистенции жителей Литвы, ныне депутат Сейма и председатель комиссии Сейма по безопасности и обороне, назвал статью в журнале “Der Spiegel” клеветнической. Аргументировал он это тем, что немецкий офицер литовского языка не знал и понять, что исполняется “Национальная песня” Кудирки, или какая-то другая песня, не мог. А. Анушаускас утверждает, что выявил свидетельства о том, что в гараже исполнялись русские “частушки”!

Весьма странно, что в тот период, когда в Литве всё “русское” и “еврейское” отождествлялось с советским НКВД, литовские националисты вдруг стали бы петь русские “частушки”. А почему тогда не предположить, что в гараже звучала еврейская тема из оперы Верди “Набукко”? Видимо, очень хотелось “уважаемому” Анушаускасу найти “русский след” в этой истории. Вот уж русофобия без края. Но самого факта зверской расправы в гараже “Lietūkis” он не отрицает.

Анушаускас уточнил, что светловолосый убийца был литовцем и родился в Литве, в городе Кибартай. Но в его роду были немецкие корни и он был агентом гестапо. Видимо, немало времени потребовалось литовскому историку, чтобы проследить родословную убийцы для выявления такого “важного” факта. Однако на вопрос, каким образом происхождение объясняет факт варварского убийства мирных, беззащитных людей, Анушаускас так и не ответил. Вероятно, по мнению литовского политика-историка, именно примесь немецкой крови обусловила ту невероятную жестокость, с которой были убиты люди в гараже “Lietūkis”. А как же тогда понимать одобрительную реакцию толпы, собравшейся поглазеть на убийство? Ведь она, несомненно, состояла из литовцев.

Или как оценить следующий факт, описанный в книге бывшего узника каунасского гетто, известного еврейского писателя Иосифа Гара “Гибель евреев Каунаса”. Вот цитата из этой книги: “...На городском стадионе, недалеко от VII форта (Каунас окружен кольцом фортов, построенных по указанию царского правительства накануне Первой мировой войны. – **В. Ш.**) были организованы соревнования по баскетболу между командой немецкого вермахта и прославленной сборной командой Литвы. Выиграла сборная Литвы. За это все члены команды были “премированы”. Каждому спортсмену было дано право... расстрелять по несколько десятков евреев, собранных тогда на VII форте. Чемпионы от предоставленной им “чести” не отказались!!!”

Разумеется, среди литовцев было немало тех, кто, рискуя жизнью, спасал евреев и раненых советских солдат. За 45 лет, которые я прожил в Литве, мне в основном встречались доброжелательные литовцы, даже в Каунасе, где я четыре года проучился в политехническом институте. Многим из них я искренне благодарен за участие, которое они приняли в моей судьбе.

В то же время вызывает тревогу, что в современной Литве факты жесточайших и немотивированных расправ над мирными людьми в июне 1941 г. или замалчиваются, или задвигаются на второй план. Учитывая, что националистические настроения в Литве, как отмечалось в первой части, вновь начинают возрождаться и приобретать общественное звучание, это недопустимо.

Литовцы должны знать, что благие намерения, провозглашаемые от имени “Саюдисов”, во многих случаях служили прикрытием для преступных деяний националистов. Если об этом молчать, то рано или поздно история может повториться.

Четвертый “Саюдис” возник после освобождения Литвы от фашистов. Он вновь ратовал за независимую демократическую Литву, толерантность в обществе и т. д. Но на самом деле он также был использован в качестве прикрытия гнусных преступлений против человечности. Это не случайно. Первыми “активистами” движения (а точнее вооруженного сопротивления) за независимую послевоенную Литву стали в основном лица, виновные в массовых расправах над евреями, так называемые “žydšaudžiai” (дословно “расстрельщики евреев”). Недавно в Литве была обнародована цифра: оказывается, треть так называемых партизанских командиров участвовала в расстрелах евреев (см. “Литовский курьер”. 02.12.2010. “Оборотная сторона полуночи”).

Для “расстрельщиков евреев” не было пути ни на Запад, к американцам, ни на Восток, к советским. В силу этого они пошли на сотрудничество с нацистами. Известно, что немцы из этих убийц готовили первых литовских “пар-

тизан”, вооружали и забрасывали их на территорию Литвы. Таким образом, в августе 1944 г. были переброшены 25 подготовленных нацистами агентов, которые должны были создать сеть партизанских отрядов. Всего в 1944 г. было внедрено 60 подготовленных абвером и гестапо агентов. Нацисты щедро снабдили их вооружением. Только в том же 1944 г. литовские националисты получили от них 2400 пулеметов, 14 тысяч автоматов, 20 тысяч винтовок, 15 тысяч пистолетов, 3 миллиона патронов и т. д.

Вместе с тем следует признать, что впоследствии ряды “лесных братьев” пополнила литовская молодежь, не принявшая советскую власть и с оружием в руках пытавшаяся восстановить независимость Литвы. Надо честно признать: в послевоенной Литве ускоренная “советизация” не всем пришлась по душе. Особенно если учесть, что она нередко проводилась без учета особенностей национального менталитета и исторических особенностей становления литовского хозяйствующего субъекта.

Вооруженное сопротивление советской власти в послевоенные годы приняло довольно широкие масштабы. В партизанской военной хронике, составленной Альгисом Рупайнисом (Algis Rupainis) утверждается, что весной 1945 г. в Литве действовало около 30 тысяч партизан.

В феврале 1949 г. в лесах между Байсёгалой и Радвилишкес состоялся так называемый съезд партизан Литвы. 10 февраля на этом съезде было принято решение о создании Движения борьбы за свободу Литвы (Lietuvos laisvės kovos sąjūdis). Был избран совет этого Движения, объединивший окружных командиров нелегальных военных общественных группировок (“лесных братьев”). Председателем Президиума этого совета был избран Йонас Жемайтис, бывший офицер литовской армии. 16 февраля 1949 г. совет Движения борьбы за свободу Литвы принял Декларацию о принципах будущего устройства Литовского государства (“Lietuvos Laisvės Kovos Sąjūdžio Taryba deklaracija”).

Провозглашаемые в этой декларации принципы в основном были действительно демократичными. Но методы, которыми пытались добиться своей цели “лесные братья”, не имели ничего общего с этими принципами. Деятельность лесного “Саюдиса” закончилась в 1953 г. вместе с разгромом националистического подполья.

Тем не менее, об этом периоде литовской истории следует рассказать несколько подробнее. Многие, видимо, видели фильм литовского режиссера Жалакявичюса “Никто не хотел умирать”, который показал накал политического противостояния в послевоенной Литве. Я добавлю лишь три эпизода, характеризующих это противостояние.

В 1949 г. маленький литовский городок Утену, где проживала наша семья, потрясла страшная весть. Ученик одиннадцатого класса литовской гимназии Антанас Крауялис (Antanas Kraujelis) перед тем, как уйти в лес, в банду националистов, совершил три политических убийства. Он смертельно ранил директора гимназии, в которой учился. Кстати, директор преподавал литовский язык и историю. Потом Крауялис постучал в окна домов, где жили завпарткабинетом (завбиблиотекой) и завсберкассой, и расстрелял их в упор.

В лесу Крауялис взял себе псевдонимы “Pabaisa” и “Siaubūnas” (примерно “Страх” и “Ужас”). Скрывался он вплоть до марта 1965 г., пока не застрелился, будучи раненным сотрудниками милиции и КГБ. Все эти годы он промышлял грабежами сельских магазинов и отсиживался на хуторах. Назвать его борцом за свободу Литвы язык не поворачивается. Убить двух беззащитных женщин и учителя, учившего его родному языку, — это просто бандитизм.

Но были и другие примеры. Примерно в 1950 году в лесах под Утеной была захвачена раненая девушка, так называемая партизанка. Она ушла в лес из гимназии. В больнице девушка наотрез отказалась принимать пищу и предпочла умереть. Мать рассказывала о ней со слезами на глазах: “Молодая, ей бы жить, да жить, а она выбрала смерти!”

И еще один факт. Где-то в начале 1950-х годов осенью пропал истопник райкома партии, литовец, поехавший в лес за дровами. Нашли его только весной, замученного, всего обмотанного колючей проволокой. У него остались две дочери. Они жили недалеко от нас. Я до сих пор помню печальные глаза этих девочек. Они лишились кормильца. Заслужил ли такую страшную смерть их отец только потому, что был истопником у коммунистов? В Утене тогда была страшная безработица, и каждая семья выживала, как могла. Устроиться на любую работу было счастьем.

Надо признать, что “лесные братья”, орудовавшие в лесах, вели борьбу не столько против советских военных “оккупантов”, сколько против собственного народа. Тех, кто выбирал советскую власть, они уничтожали семьями, причем с нечеловеческой жестокостью (не только расстреливали, но убивали топорами, пилами, удавками, сжигали заживо). В итоге за 1944–1953 гг. от рук литовских националистов, прикрывавшихся благородными принципами “Саюдиса”, погибло свыше 25 тысяч человек. Среди убитых – 990 детей в возрасте до 16 лет и 62 – до 2 лет. Они-то чем провинились перед так называемыми “патриотами” Литвы? Неужели во имя независимости необходимо было истреблять и грудных детей?

К 1988 г. послевоенное противостояние и его жертвы в Литве уже подзабылись. Название “Саюдис”, которое взяла себе новая общественная организация, возникшая в июне 1988 г., не вызвала никаких негативных ассоциаций. В истории Литвы это был пятый “Саюдис”, так называемое “Движение за перестройку”, за Горбачева. Кремлевские политологи в те годы, как, впрочем, и сейчас, особо не утруждали себя поисками исторических аналогий и значение “Саюдиса” воспринимали лишь в буквальном смысле – Движение. К сожалению, в далёком 1988 г. я и мои товарищи по партии также не располагали надлежащей информацией о сложной и противоречивой истории литовских “Саюдисов”.

Особо следует поговорить о пятом “Саюдисе”, внезапно возникшем 3 июня 1988 г. в зале Академии наук Литовской ССР. Накануне XIX Всесоюзной партийной конференции здесь таинственным образом вдруг собралось несколько сотен человек, основную часть которых составляла литовская интеллигентная элита. Одним из формальных поводов послужила излишняя регламентация со стороны ЦК КПСС при избрании в республике делегатов на партконференцию.

Но в зал Академии наук люди пришли не только по этому поводу. В Литве многих волновало то, что на фоне провозглашаемых Горбачевым грандиозных планов реальная социально-экономическая ситуация только ухудшается. Помимо этого, некоторые пришли заранее кем-то проинструктированные, с предложениями, записанными на бумажках. Итогом этого собрания стало создание инициативной группы “Саюдиса” из 35 человек. Половина из них были коммунисты.

Сегодня существуют неопровержимые свидетельства того, что Литовское движение за перестройку – “Саюдис” было создано по указанию Москвы. Непосредственной организацией “Саюдиса” в Литве занимался КГБ Литовской ССР, который, как утверждают, скрупулезно руководствовался некой инструкцией, присланной из Центра. В Литве ее называли “черным сценарием”.

Основную идею этого сценария раскрыл в своей книге “Корабль дураков” В. Петкявичюс. Она состояла в том, что “органы безопасности обязаны через своих людей влиять на все появляющиеся движения и постепенно перенимать инициативу. Допустимы всевозможные словесные, лозунговые отклонения, даже перегибы, но непосредственные действия должны согласовываться...”

Конечным результатом деятельности “Саюдиса” должны были стать “нестабильность, хаос, охота на ведьм, которые отпугнут большинство народа. Вперед выступит агрессивное меньшинство, разговор с которым всегда более краток и перспективен”. В этом плане “черный сценарий” в некотором смысле перекликается с так называемым секретным планом перестройки под названием “Голгофа”. После появления в 1995 г. в газете “Совершенно секретно” публикации бывшего сотрудника КГБ СССР Михаила Любимова под названием “Операция “Голгофа”, она стала широко известна в России.

Суть этой операции заключалась в том, чтобы провести Россию через “дикий капитализм”, и, используя негодование народных масс, вернуть страну на коммунистический путь. Видимо, Литву также хотели провести через “дикий” национализм и сепаратизм, дабы литовское общество получило хорошую прививку от этих явлений. Но на деле получилось наоборот.

Что же касается достоверности “черного сценария”, то я лично видел его в руках у известного литовского писателя и общественного деятеля Витаутаса Петкявичюса. Это произошло летом 1993 г. когда я приезжал в Вильнюс свидетелем по делу о так называемом захвате издательского предприятия “Spauda”.

По приезду в Вильнюс я решил позвонить Петкявичюсу, с которым в советский период изредка общался на мероприятиях. Мы не были с ним друзьями, но после нескольких выступлений в 1988–1989 гг. на пленумах ЦК Компартии Литвы, в которых я позволил себе покритиковать Москву и ЦК КПСС, он обратил на меня внимание. В дальнейшем при встречах мы стали обмениваться мнениями о происходящем в республике и Союзе.

В 1993 г. Петкявичюс пригласил меня в гости. Проговорили мы почти всю ночь. Тогда я располагал лишь обрывочными сведениями о том, как создавался “Саюдис” и каким образом Ландсбергис прорвался к власти. После рассказа Петкявичюса я вспомнил разговор, услышанный в буфете ЦК КПСС. Детали, которые рассказал мне Петкявичюс, четко дополнили имеющуюся у меня информацию. Поэтому не поверить ему я не мог. Более того, я не имел возможности убедиться, что Петкявичюс никогда не говорил того, в чем не был уверен. Напомним, что в 1993 г. он уже являлся председателем Комитета национальной безопасности литовского Сейма, то есть весьма информированным человеком.

В ходе разговора возник спорный вопрос, и Петкявичюс стал искать то ли фотографию, то ли документ, который бы подтвердил его слова. Тогда, между прочим, он и показал мне скрепленные бумаги и сказал, что, есть “черный сценарий”. Писатель рассказал, что получил его за небольшую плату от бывшего полковника КГБ Литовской ССР.

Петкявичюса в разговоре интересовали подробности о том, что происходило в 1990–1991 гг. в ЦК КП Литвы/КПСС и в ЦК КПСС. Видимо, это ему было необходимо для очередной книги. Таких встреч, как со мной, у Петкявичюса, несомненно, была не одна. Все факты, которые он использовал в своих произведениях, писатель тщательно проверял, рассматривая их через призму свидетельств нескольких очевидцев. Одним словом, поговорили мы в ту ночь по душам, выпили несметное количество чашек кофе и кое-чего еще. Утром писатель на своих стареньких “Жигулях” отвез меня к зданию суда. Больше я его, к сожалению, не видел.

Но вернемся к истории создания “Саюдиса”. Дополнительные сведения по этому поводу обнародовал в своих воспоминаниях Валентин Лазутка, во времена перестройки директор Института философии и одновременно секретарь парткома Академии наук Литовской ССР. В силу своего партийного положения весной 1988 г. Лазутка оказался непосредственным участником событий, предшествующих созданию “Саюдиса”.

Лазутка вспоминает, что весной 1988 г. весьма активизировалась деятельность сотрудников КГБ, курирующих Академию наук. В ЦК Компартии Литвы работу по созданию движения “Саюдис” возглавлял секретарь ЦК Лёнгинас Шепетис, с которым Лазутке по долгу службы приходилось неоднократно контактировать. Однажды Лазутка стал свидетелем телефонного разговора Шепетиса с помощником Александра Яковлева по поводу необходимости создания движения за перестройку в Литве.

За несколько часов до начала учредительного собрания по созданию инициативной группы “Саюдиса”, во Дворце ученых в Веркяй состоялась узкое полусекретное совещание, посвященное этому событию. На нем присутствовал Шепетис и сотрудник Отдела науки ЦК КПСС. На учредительном собрании “Саюдиса” в зале Академии наук Литовской ССР московский гость не появился. Однако у Лазутки сложились мнение, что партийные органы в вопросах создания “Саюдиса” играли второстепенную роль. Главной “скрипкой” был КГБ.

Окончательно роль КГБ в создании “Саюдиса” Лазутка уяснил, когда он как первый секретарь Вильнюсского ГК КПЛ/КПСС в октябре 1990 г. встретился с вновь назначенным председателем КГБ Литовской ССР Ромуальдасом Марцинкусом, направленным в Литву из Москвы.

В ходе доверительного и откровенного разговора Марцинкус заявил Лазутке: “КГБ Литовской ССР действует не самостоятельно и не по своей инициативе, а он осуществляет указания руководителей КГБ СССР и ему дано прямое указание быть в подчинении у Ландсбергиса, выполнять его указания и не иметь никаких связей с остатками организаций Советской власти. Что касается нашей партии, то ему велено не снабжать нас никакой информацией и не получать таковой от нас”.

В заключение беседы Марцинкус добавил: “Я выполняю приказ из Москвы, лично Крючкова, и не больше”. (См. V. Lazutka. "Kaip buvo kuriamas

"Sajūdis". "Karštas komentaras". № 13, 2007 и V. Lazutka. "Sausio 13-ojo zvilgsnis kitu kampu". "Karštas komentaras" № 1, 2008).

Между тем известно, что бывший Председатель КГБ СССР Владимир Александрович Крючков до конца жизни остался на советских позициях. Тем не менее, некоторые его поступки в период перестройки не поддаются логическому объяснению. Прежде всего, непонятно поведение Крючкова в ситуации, когда в 1990 г. КГБ получил сведения о том, что Яковлев "занимал выгодные для Запада позиции, и Запад мог на него твердо рассчитывать в любой ситуации".

Доложив об этом Горбачеву, Крючков согласился с явно абсурдным предложением Генсека побеседовать на эту тему с Яковлевым. Когда же беседа закончилась ничем, Крючков вновь согласился со странной реакцией, а точнее отсутствием реакции Горбачева на сообщение о том, что разговор результатов не дал.

Спустя некоторое время Крючков вновь доложил Горбачеву о том, что по линии разведки и контрразведки поступили материалы, свидетельствующие, что во время переговоров в Рейкьявике и на Мальте Генсек говорил о смене политического строя в СССР, о коренном пересмотре отношений между западными странами и СССР, а также дал согласие на сдачу ГДР (См. "Десять лет, которые потрясли...". М.: Вагриус, 2002. С. 37).

Горбачев ограничился вопросом: "А где вы это достали?" Крючков сослался на свои источники. Президент буркнул: "Ну, мало ли что там пишут...". И вновь Крючков, как глава органов безопасности не сделал должных выводов. Интересно, как поступил бы в подобной ситуации директор ФБР США? Ведь если бы Крючков в 1990 г. или в 1991 г. публично озвучил лишь некоторые факты предательской политики Генсека и Президента, то, возможно, история нашей Родины развивалась бы по-другому. И Горбачев доживал бы жизнь в тюремной камере.

В этой связи несколько слов о публичных выступлениях Крючкова. Он выступал на XXVIII съезда КПСС (июль 1990 г.), когда вопрос стоял, тем ли путем идет страна? Выступал на апрельском (1991 г.) Пленуме ЦК КПСС, когда стоял вопрос об отстранении Горбачева от должности. Выступал Владимир Александрович и в декабре 1990 г. на IV съезде народных депутатов СССР, когда Сажи Умалатова предложила выразить недоверие Горбачеву. 17 июня 1991 г. Крючков на закрытом заседании Верховного Совета СССР вновь говорил о внешних силах, активно действующих по созданию бедственного положения в стране. Даже озвучил секретную записку Юрия Андропова 1977 г. об агентах влияния Запада.

Все его выступления были проникнуты озабоченностью за судьбу СССР. Однако проблемы преподносились им в общих чертах, без конкретных фактов и фамилий. Удивительно, но Крючков так и не выступил непосредственно против Горбачева, даже когда этого требовала ситуация.

Я помню свою реакцию, да и реакцию тех членов ЦК КПСС и народных депутатов ВС СССР, с которыми я общался, на выступления Крючкова. За годы советской власти мы привыкли, что советскую общественность периодически информировали о "коварных" планах Запада. Но тем дело и кончалось, происки врагов всегда успешно пресекались.

В 1990–1991 гг. всех успокаивало то, что Председатель КГБ выступал в присутствии Генсека и Президента. Какой из этого следовал вывод? "Наверху" ситуацию контролируют. Более того, все считали, что именно Горбачев поручал главе безопасности проинформировать коммунистов и народных депутатов СССР о том, что КГБ не "дремлет" и контрмеры будут своевременно приняты.

Но вернемся в июнь 1988 г. В этот период КГБ СССР (до 1 ноября 1988 г.) возглавлял Виктор Чебриков – службист и любитель инструкций. После смерти К. Черненко он, от имени КГБ, однозначно поддержал кандидатуру Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Если принять вышеозвученную версию за истину, то именно при Чебрикове КГБ СССР развернул работу по созданию общественных движений в поддержку перестройки.

Утверждается, что из 35 членов Инициативной группы "Саюдиса" 16 были люди, в той или иной мере зависимые от КГБ. Об этом достаточно подробно написал в книге "Корабль дураков" В. Петкявичюс. Напомним лишь о том, что в ноябре 1991 г. было официально доказано, что ближайший соратник и "правая рука" Ландсбергиса Вергилиус Юозас Чепайтис был агентом КГБ под кличкой "Юозас". Завербовали его ещё в 1963 г.

Не случайно секретарем упомянутого учредительного собрания “Саюдиса” был избран молодой физик Зигмас Вайшвила. Во время стажировки в Дубне в 1980 г. он жил у генерала Р. Марцинкуса, тогда служившего в центральном аппарате КГБ СССР и отвечавшего за одно из подразделений 2-го Управления (контрразведка). Естественно, что Вайшвила протокол собрания “Саюдиса” сразу же передал своему куратору из КГБ. Его так и считают пропавшим.

Однако это не значит, что созданная инициативная группа “Саюдиса” была полностью подконтрольна КГБ. Ей позволили действовать самостоятельно, иначе она не смогла бы завоевать авторитет в литовском обществе. В начале “саюдисты” инициировали в СМИ публичную дискуссию по вопросам литовского языка и истории. В ходе этой дискуссии активистам “Саюдиса” удалось создать прочные позиции в СМИ, прежде всего на телевидении. Буквально в течение нескольких недель “Саюдис” превратился в серьезную общественную силу.

В августе 1988 г. в Литву приехал секретарь ЦК КПСС Александр Яковлев, который поддержал “Саюдис”, дав этому явлению идейно-политическое объяснение. Более того, он не возражал, если группы поддержки “Саюдиса” будут созданы в партийных организациях, в том числе и райкомах партии. “Саюдисты” поняли, что в Кремле у них появился надежный защитник. После этого они перешли в прямое наступление не только на социалистические основы жизни в республике, но, прежде всего, на тех, кто их отстаивал.

Кстати, Горбачев в мемуарах пишет, что он направил Яковлева в Латвию и Литву разобраться в ситуации. Но об итогах поездки Яковлева и выводах, которые сообщил ему “верный друг”, Горбачев предпочел не распространяться. Видимо, очень понравилось ему литовское движение в поддержку своей персоны. Дешево купили литовские сепаратисты Михаила Сергеевича – простым лозунгом.

Заметим, информация о том, что КГБ являлся “крестным отцом” “Саюдиса”, не была секретом для литовской общественности. Об этом вполголоса говорил партийный актив республики. А вот что об этом рассказал в мае 2003 г. в радиопередаче “Akis į akį” (“С глазу на глаз”) бывший литовский диссидент и политзаключенный, а ныне дипломат Видмантас Павилионис. В 1988 г. он в Каунасе встретил “коллегу” по мордовскому лагерю Людвика Симутиса и пригласил того придти в “Саюдис”. На что Симутис ответил, что это организация кегэбистов и туда не следует лезть. Но Павилионис сумел убедить “коллегу” в том, что именно поэтому и надо идти в “Саюдис”, чтобы его переориентировать. Что вскоре и произошло.

Росту авторитета “Саюдиса” во многом способствовало то, что его неформальным лидером являлся писатель Витаутас Петкявичюс. Он был известен не только своими произведениями, но и тем, что всегда смело и достойно отстаивал интересы Литвы. Благодаря ему в 1980-х годах был остановлен проект промышленной добычи нефти в Балтийском море, рядом с заповедной Куршской косой.

Авторитет Петкявичюса и его пробивная сила позволили организовать первые массовые митинги “Саюдиса”. Петкявичюс прекрасно знал недостатки советской власти, но альтернативы ей не видел. В 1945 г. он стал комсомольцем и с оружием в руках защищал новую власть. Мечтой Петкявичюса была свободная и счастливая Литва. Он полагал, что, став советской, она будет такой. Вся жизнь он боролся с бюрократами и карьеристами, которые сделали комсомольский и партийный билет “хлебной карточкой”. Те платили ему ненавистью.

Петкявичюс искренне верил, что “Саюдис” придаст новое дыхание социализму в Литве. Однако для московских и литовских создателей “Саюдиса” Петкявичюс был неудобной и неуправляемой фигурой. Он мог поставить “на место” любого из тогдашних секретарей ЦК КП Литвы, в том числе и первого. Не особенно считался он и с авторитетом КГБ и московских гостей. Поэтому и в Москве и в Вильнюсе пришли к выводу о необходимости заменить его на более покладистого человека.

Где-то в сентябре месяца 1988 г. (накануне одного из митингов) тогдашний председатель КГБ Литовской ССР генерал Эдуардас Эйсмунтас предложил бюро ЦК Компартии Литвы на пост главы “Саюдиса” внешне невзрачного, но вполне “управляемого” и “проверенного” музыковеда с кафедры марксиз-

ма-ленинизма Литовской консерватории Витаутаса Ландсбергиса. Бюро ЦК Компартии Литвы этот выбор одобрило. В маленькой Литве эта информация под “большим секретом” стала распространяться среди партийного актива.

Основные аргументы Эйсмунтаса в пользу Ландсбергиса были следующие: интеллигентен, незаметен, плохой оратор, связан с КГБ и поэтому будет легко управляем. Полагали, что с назначением Ландсбергиса “Саюдис” станет послушным орудием в руках Госбезопасности и партийной элиты. Однако “проверенный” музыковед вскоре показал железную хватку и стальные зубы в борьбе за власть. На очередном заседании Инициативной группы Ландсбергис сразу поставил вопрос ребром, заявив, что ЦК утвердил его руководителем “Саюдиса”, и вопрос не обсуждается. Заявление Ландсбергиса поддержало его шумливое окружение, остальные согласились.

Партийный актив республики недоумевал по поводу замены руководства “Саюдиса”. Ходили разные слухи. Утверждали, что Витаутас Ландсбергис проверенный человек, преданный советской власти. Якобы в годы войны на квартире его отца архитектора Витаутаса Ландсбергиса-Жямкальниса скрывался 1-й секретарь Вильнюсского подпольного горкома Компартии Литвы Витас. Другие говорили, что именно старший Ландсбергис выдал Витаса гестаповцам. Одним словом, понять, где правда, а где ложь, было сложно.

В то время по работе мне приходилось достаточно часто общаться с секретарями ЦК Компартии Литвы. На мои недоуменные вопросы по поводу смены руководства “Саюдиса” они лишь загадочно улыбались и говорили: “Всё под контролем!”. Интерес к “Саюдису” у меня был не праздный. Петкявичюс для меня и многих русскоязычных Литвы был тем гарантом, который не допустил бы националистической вакханалии, которая потом разразилась при Ландсбергисе.

На эту тему я разговаривал с первым замом председателя КГБ Литовской ССР Станиславом Цаплиным. Но и он на мой вопрос о неравнозначной замене в “Саюдисе” ответил: “Всё под контролем. Это наш проверенный человек”. В следующей главе об этом “проверенном человеке” расскажем подробнее.

“Саюдис” в Литве появился в крайне благоприятное время. В республике нарастало недовольство социально-экономической политикой Горбачева. К началу перестройки по уровню развития Литва занимала 16-е место в мире, а по сельскому хозяйству – 10-е. Жители республики в доперестроечные годы не знали проблем ни с мясными, ни с молочными продуктами. Однако на четвертый год горбачевской перестройки некоторые продукты стало возможным приобретать только по “визитной карточке покупателя” и в лимитированном объеме. То же произошло и с товарами первой хозяйственной необходимости.

Частично это было вызвано экономическими трудностями, частично политикой вновь зарождающейся буржуазии, которая деньги предпочитала вкладывать в материальные ценности. Так, в те годы под Вильнюсом были обнаружены два огромных металлических ангара, набитых хозяйственными товарами. Кому они принадлежали, так и осталось тайной.

На экономические проблемы в Литве накладывался мелочный диктат Центра и игнорирование Кремлем особенностей национального менталитета, социально-экономических и культурно-бытовых условий исторического становления литовцев как нации.

Особо следует также отметить и такой психологический момент. Диктат Москвы литовцами всегда воспринимался как диктат России, как диктат русских. В то же время уровень жизни в России, самой богатой страны мира, был значительно ниже, чем в Прибалтике. Нередко в споре литовцы выкидывали последний аргумент: “Не учите нас, как жить. Лучше сами научитесь жить так, чтобы вам завидовали!”.

В этой связи следует отметить, что СССР как государственное образование оказался крайне невыгодным для России. Дело в том, что на протяжении последних 45 послевоенных лет Россия (тогда РСФСР) была, в буквальном смысле, донором почти всех союзных республик (за исключением Белоруссии и Украины). Известно, что из прибалтийских республик стремились сделать “витрину” социализма. Национальная элита умело пользовалась своими преимуществами, получая преференции от Центра.

Так, по данным доктора экономических наук, профессора В. Милосердова, “несмотря на то, что основная часть газа добывалась в других районах страны, прибалтийские сёла по газификации существенно опережали россий-

ские. К моменту выхода прибалтов из Союза практически все сёла Прибалтики, да и Западной Украины и Закавказья были газифицированы. А вот в России и сегодня тысячи даже подмосковных сёл ждут, когда к ним придет газ. А что уж говорить о российской глубинке!

Образовалась огромная дифференциация между союзными республиками в размерах ассигнований из госбюджета, в объеме поставок материально-технических ресурсов, в выделении валюты, импортных товаров и в других сферах. И, как следствие, — в уровне жизни между республиками”.

В 1950—1980-х годах уровень зарплат и других социальных выплат в большинстве союзных республик был на 30—45% выше, чем в России (РСФСР). Официальные нормативы жилой площади в РСФСР были меньше, чем для Прибалтики, Закавказья, Западной Украины, столичных городов республик Средней Азии, Северного Кавказа. Примечательно и то, что квартплата в РСФСР всегда была выше, нежели в большинстве других союзных республик.

Привилегированное положение прибалтийских республик особенно ярко характеризовал порядок распределения потребительского импорта. Решения Политбюро ЦК КПСС и Президиума Совмина СССР предусматривали строгую очерёдность: импортные потребительские товары, прежде всего, направлялись в прибалтийские, закавказские и среднеазиатские союзные республики, затем в Западную Украину; в Белоруссию, остальную Украину, и уже потом в РСФСР, причем на официально русскую территорию РСФСР в последнюю очередь.

Расплата за это наступила в 1991 г., когда в защиту КПСС и СССР в России не состоялось не одного массового митинга. К сожалению, руководство России до сих пор не может преодолеть синдром, выражаемый словами “свои потерпят!”.

Но вернемся к “Саюдису”. В отличие от компартии представители “Саюдиса” о проблемах, назревших к четвертому году перестройки, говорили без оглядки на Москву. Это сразу придало им статус патриотов Литвы. Однако лидеры “Саюдиса” прекрасно понимали, какую силу представляет компартия. Поэтому на первом этапе своей деятельности “саюдисты” поставили задачу — сформировать благоприятное для себя общественное мнение не только в республике, но, прежде всего, в компартии Литвы. После этого, заняв ключевые позиции в компартии, реформировать ее и использовать как эффективный инструмент достижения главной цели — независимости.

И это удалось. Выборную кампанию 1988 г. в первичных партийных организациях и ряде районных партийных организаций выиграла компартия “Саюдиса”. Группы “Саюдиса” вращались в партийные организации. Его представители были избраны секретарями райкомов партии и парткомов. Например, в городе Шауляе все десять выдвинутых от “Саюдиса” кандидатов были избраны в состав городского комитета Компартии. Первым секретарем горкома стал член сейма “Саюдиса” М. Стаквилевичус. В ходе отчетно-выборной кампании осенью 1988 г. “саюдисты” пришли к руководству большинства партийных организаций Литвы.

Секретарем парткома Вильнюсского университета был избран ярый сепаратист Б. Гензалис. Секретарем партийной организации Союза писателей Литвы — Р. Гудайтис. Эта парочка 26 июля 1989 г. выступила в “Правде” со статьей “Так кто же знает рецепт?” в ответ на статью Н. Михалевой и Ш. Папидзе “Федеративный союз” (“Правда” от 12 июля 1989 г.), в которой было четко и недвусмысленно заявлено, что “конституционные процессы” в странах Прибалтики грозят развалом СССР. Эту статью они назвали тенденциозной и консервативной.

К началу предвыборной кампании по избранию народных депутатов СССР “Саюдис” доминировал на телевидении, радио и в прессе республики. Мнение лидеров “Саюдиса” было непререкаемым. 20 ноября 1988 г. совет сейма “Саюдиса” принял “Заявление о моральной независимости”, суть которого была в том, что для граждан Литвы обязательны законы Литвы, но не СССР. Для контроля за исполнением этого заявления был учрежден “Суд чести” “Саюдиса”. Москва молчала.

Представители “Саюдиса” уже не стеснялись. Они прямо заявляли: “Народ без суверенитета — народ без будущего!”. Противопоставить этому литовским коммунистам было нечего. Даже идеи перестройки “Саюдис”, с помощью Яковлева и Горбачева, “приватизировал” полностью.

16 февраля 1989 г. в драмтеатре в присутствии всего руководства Литовской ССР впервые состоялось торжественное заседание по поводу 71-й годовщины Акта независимости буржуазной Литвы. Была принята Декларация о независимости, которая подтверждала стремление республики к полному суверенитету. Правда, не акцентировалось, в составе СССР или вне. Все понимали эту условность и яростно спорили, а возможна ли независимость в составе Союза. Москва хранила олимпийское спокойствие.

Перед выборами на литовском телевидении и в прессе началось шельмование тех кандидатов, которые отстаивали Литву в составе СССР. Масла в огонь подливали союзные СМИ. Всех посмевших критиковать позицию “Саюдиса” московские журналисты немедленно объявляли сталинистами, противниками демократии и врагами перестройки. Горбачева это устраивало. Он свято верил, что он и перестройка неразделимы, и с новым составом народных депутатов он успешно ее завершит.

В такой обществено-политической ситуации в Литве в марте 1989 г. состоялись выборы народных депутатов СССР. “Саюдис” одержал сокрушительную победу. 58 его представителей стали народными депутатами СССР, из них 38 (65,5%) так называемые коммунисты.

Редактор журнала “Gimtasis kraštas” (“Родной край”) и один из идеологов “Саюдиса”, “коммунист” А. Чекуолис, избранный народным депутатом СССР, публично заявил, что по списку “Саюдиса” народным депутатом “избрали бы и орангутанга”. Это заявление впоследствии процитировал на февральском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС Ю. Палецкис, секретарь ЦК отделившейся Компартии Литвы.

Однако Михаил Сергеевич на Политбюро 28 марта 1989 г. и в своих мемуарах всё твердит о “демократических выборах”. Он так и не понял, что после этих выборов народных депутатов СССР надеяться на успех социалистической перестройки стало просто смешно. Но первый “звоночек” для него тогда прозвучал.

Первый Съезд народных депутатов СССР открылся в мае 1989 г. 58 депутатов от Литвы поставили себя в особое положение. Заметим, что все депутаты от Литвы были под сильнейшим прессингом “Саюдиса”, “шаг влево” рассматривался как национальная измена.

А. Чекуолис в интервью газете “Вечерние новости” (от 23.05.1989) заявил: “. . . депутаты от Литвы – сплоченная группа, отстаивающая единую политику. Другой такой сплоченной группы нет на всем съезде народных депутатов СССР. Поэтому, несмотря на нашу малочисленность, мы пользуемся большим уважением. Все поглядывают на нас с завистью и ищут благосклонности. Но мы не намерены вообще продавать ее или легко отдавать. . .”

Договорились о тактике при голосовании. Если не сможем победить, то встанем и удалимся. . .”

Народные депутаты СССР от Литвы в 1989 г., заняв места в зале Кремлевского дворца Съездов, получили всесоюзную трибуну и, благодаря телевидению, многомиллионную аудиторию. На первом съезде они присматривались и соблюдали лояльность, заявляя о своей приверженности перестройке. Зато потом сепаратисты всех мастей получили возможность наблюдать на примере прибалтийских депутатов, как следует противостоять центральным властям. Фактически телевидение демонстрировало своеобразный курс политического ликбеза, который впоследствии очень дорого обойдется стране.

30 сентября 1989 г. на Съезде выступил народный депутат СССР, тогдашний первый секретарь ЦК пока единой компартии Литвы Альгирдас Бразаускас. Он заявил, что существующая Конституция СССР “тормозит путь самостоятельных республик в перестройку”. Также он поставил вопрос о признании секретных протоколов к советско-германскому договору 1939 г. недействительными. 7 сентября 1989 г. на съезде выступила Казимира Прунсене, которая изложила концепцию экономической реформы в Литве и странах Балтии.

В республике “Саюдис” также наращивал свое давление, нередко переходящее в диктат. Его представители умело использовали коммунистов в Верховном Совете Литвы, которые там составляли 90%, для создания правовой базы процесса выхода из СССР. Коммунистический парламент Литовской ССР на второй день работы Съезда НД СССР 26 мая 1989 г. принял Декларацию о государственном суверенитете Литвы. Было заявлено, что в Литве действуют только законы республики или законы, ратифицированные ВС Литовской ССР.

До этого 18 мая были внесены изменения в Конституцию в части введения гражданства Республики. Москва вновь промолчала.

Подчинив компартию своему влиянию, «саюдисты» навязали ей дискуссию о самостоятельности. Результаты этой дискуссии литовские СМИ искусно препарировали, преподнося ее таким образом, что абсолютное большинство коммунистов Литвы выступают за независимую компартию. ЦК КПСС молча взирал на споры по поводу судьбы КПЛ.

В итоге в декабре 1989 г. «саюдисты» успешно завершили операцию по выводу компартии Литвы из КПСС. 20 декабря 1989 г. под их давлением XX съезд компартии Литвы принял решение о выходе из КПСС. После того ситуация в Литве стала практически не подвластной Кремлю. Но Горбачев по-прежнему продолжал убеждать советскую общественность, что ничего особенного в Литве не происходит. Дело дошло до того, что на февральском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС он пытался протолкнуть решение, согласно которому коммунисты Литвы, порвавшие с КПСС, до XXVIII съезда считались бы членами КПСС!

В январе 1990 г. всё тот же ВС Литовской ССР принял решение о том, что на территории Литвы не действуют законы СССР. 7 февраля 1990 г. Верховный Совет Литовской ССР под председательством Бразаускаса, тогда еще первого секретаря ЦК независимой компартии, признал не имеющими юридической силы решения Народного Сейма от 21 июля 1940 года о вступлении Литвы в СССР.

Всё это происходило на фоне усиливающегося недовольства политикой Горбачева в Литве. Это позволило «Саюдису» 24 февраля 1990 г. накануне выборов в Верховный Совет Литовской ССР обнародовать программу, в которой говорилось: «В 1940 году СССР нарушил двусторонний договор и совершил агрессию против Литовской республики, свергнув законное ее правительство». Москва вновь сделала вид, что ничего не происходит.

В итоге представители «Саюдиса» на выборах в Верховный Совет Литовской ССР одержали победу и 11 марта 1990 г. провозгласили восстановление независимости Литвы. В соответствии с инструкциями, полученными от американских консультантов, вновь избранный Верховный Совет Литвы ускоренными темпами приступил к формированию независимого правового пространства.

Отдельно следует сказать о тактике противостояния с Москвой, отработанной идеологами «Саюдиса» с помощью зарубежных консультантов. Она и сегодня представляет особый интерес, так как кремлевские политологи до сих пор не выработали противоядия против этих приемов.

Эта тактика заключалась в следующем:

- активное формирование общественного мнения, то есть идеологическое обеспечение предпринимаемых «Саюдисом» шагов с исторической, юридической, философской и нравственной точки зрения;

- возбуждение «лавины общественного мнения» методами «случайных ошибок», «пробных шаров», «бумеранга»;

- народное волеизъявление путем проведения массовых акций;

- захват властных позиций методом «шаг за шагом»;

- решение спорных проблем «явочным порядком»;

- создание юридического обоснования решений, принятых «явочным» порядком;

- персонификация нормативных актов, защищающих эти решения например, чтобы заставить жителей Литвы отказаться от гражданства СССР, было официально заявлено, что сразу после объявления независимости у всех, кто не определится с литовским гражданством, возникнут проблемы с пенсиями, приватизацией квартир и т. д.;

- создание республиканского правового пространства, позволяющего каждому гражданину чувствовать законность противостояния правовым актам метрополии. Это ГЛАВНОЕ!

Впоследствии эта тактика была растиражирована по Союзу и во многом обусловила дезинтеграцию СССР. Противодействовать этой тактике Горбачев и его окружение так и не смогли.

В заключение перечислим некоторые основные просчеты, которые допустил Кремль в работе по стабилизации обстановки в Литве.

Во-первых, кремлевские политологи не знали и не хотели знать подлинной истории литовского государства, особенностей национального ментали-

тета и культурно-бытовых и хозяйственных особенностей существования литовской нации. Аргументы Москвы в споре с литовскими политиками и историками были некорректными и мало кого убеждали. В итоге Москва вчистую проиграла борьбу за формирование общественного мнения как в Литве, так и в России.

Во-вторых, в период становления “Саюдиса” Центр не предпринял никаких конкретных шагов по защите своих союзников в республике. Большинство защищавших интересы Центра в Литве, в конечном итоге, были ошельмованы и морально уничтожены. Их судьба убедила литовскую “коммунистическую” элиту оставить надежду на помощь Москвы и встать под знамена “Саюдиса”.

В-третьих, принимаемые в Москве законы и декларации, способные стабилизировать ситуацию в Литве, не подкреплялись соответствующими организационно-исполнительными механизмами.

В-четвертых, Кремль постоянно запаздывал реагировать на действия литовских властей. Если Вильнюс на любое заявление Кремля реагировал в течение суток-двух, то Кремль – в течение месяца-двух, когда эта тема в республике уже никого не волновала.

В-пятых, Москва так и не сумела найти “золотую середину” в предоставлении Литве самостоятельности. Верховный Совет Литвы явочным порядком вырывал “уступки” у Кремля, укрепляя тем самым свой авторитет. Разумные опережающие уступки Центра в плане реализации основных надежд литовской общественности могли бы прибавить авторитета Кремлю и сделать идею пребывания Литвы в обновленном Союзе более привлекательной.

Например, если бы в начале 1989 г. Литве была бы представлена экономическая самостоятельность, и был бы принят пакет документов, предоставлявший Литве возможность стать своеобразным мостом между Европой и СССР, то итоги выборов в Верховный Совет СССР и ВС Литовской ССР могли быть иными, и выход Литвы из Союза стал бы проблематичным.

В-шестых, полное неумение или нежелание Горбачева пользоваться выгодной для единства СССР аргументацией. В 2008 г. бывший сотрудник Совмина СССР Виктор Михайлович Мироненко, кстати, бывший первый секретарь Ставропольского крайкома комсомола, принявший в 1955 г. на должность заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Михаила Горбачева, передал мне набор документов о возможных контрпретензиях к республикам Прибалтики, желающим выйти из Союза.

В них была предусмотрена абсолютная защита интересов СССР, вплоть до аргументированного требования к Литве создать прямой транспортный коридор связи России с Калининградской областью за счет присоединенных после войны к республике территорий. Но эти документы Горбачевым так и не были использованы.

Тайны семейства Ландсбергисов

Отдельного рассказа заслуживает история семейства Ландсбергисов, так как она в некоторой степени объясняет причины краха советской власти не только в Литве, но и в СССР.

Слухи о том, что прошлое Ландсбергисов, как старшего, Витаутаса Ландсбергиса-Жямкальниса, так и его сына Витаутаса Ландсбергиса, главы “Саюдиса”, весьма туманно, ходили еще в советский период. Но конкретных данных, помимо того, что старший В. Ландсбергис-Жямкальнис был министром коммунального хозяйства во Временном правительстве Шкирпы-Амбразявичюса в 1941 г. и написал благодарственное письмо Гитлеру, не было.

Вызывало удивление, что за это В. Ландсбергис-Жямкальнис (в дальнейшем Жямкальнис), в 1959 г. вернувшись в Советскую Литву, не только не понес никакого наказания, но и устроился весьма недурно. Это при том, что члены упомянутого Временного правительства, в том числе и Ландсбергис, советским судом были заочно приговорены к расстрелу. Как уже говорилось, объясняли это по-разному. Прежде всего тем, что старший Ландсбергис оказал неоценимые услуги советской власти по линии НКВД и КГБ.

Эта тема интересует многих. Достаточно сказать, что после публикации моих статей о трагических январских событиях 1991 г. я получил несколько электронных писем не только из Литвы, но и из США, в которых спрашивали, рас-

полагаю ли я какой-либо конкретной информацией о связях Ландсбергиса, а точнее семейства Ландсбергисов, с НКВД и КГБ. Особо интересовал вопрос, а существуют ли документальные доказательства этого “сотрудничества”?

Следует иметь в виду, что почти 10-летнее пребывание Ландсбергиса у власти в Литве (1991–2000 гг.) позволило ему хорошо почистить архивы. Надо полагать, что к настоящему времени все компрометирующие документы в литовских архивах Ландсбергис сумел уничтожить. В статье Ю. Строганова “Корабль дураков” в судебной гавани”, опубликованной в газете “Труд-7”. (№ 210, 10.11.2005) цитируется заявление В. Петкявичюса на заседании 1-го участкового суда Вильнюса о том, что он как бывший председатель Комитета национальной безопасности Сейма “точно знает, что в архивах КГБ было найдено дело В. Ландсбергиса, которое заместитель директора Особого архива А. Шолинас незаконно, в обход инвентарного учета, отнес самому Ландсбергису. Когда через неделю дело вернули, в нем недоставало нескольких листов. Они были вырваны”.

Однако целый ряд фактов из своей биографии Ландсбергис так и не смог скрыть. Пока ещё живы свидетели, которые знают немало интересного о “чеккистском” прошлом Ландсбергисов. Помимо этого в последнее время выяснилось, что некоторая информация о связях Ландсбергисов с НКВД и КГБ должна была сохраниться в архиве ФСБ России.

В 2000 г. плотина умалчивания вокруг семейства Ландсбергисов начала разрушаться. В апреле того года Аудриус Буткявичюс после выхода на свободу из Вильнюсской колонии строгого режима в первом же интервью газете “Обзор” (№ 15, 2000 г.) рассказал немало интересного о прошлом тогдашнего спикера литовского Сейма В. Ландсбергиса.

Буткявичюс заявил, что нет сомнений в том, что Ландсбергис сотрудничал с КГБ. По его словам, курировал семью Ландсбергисов замначальника оперативного отдела каунасского КГБ Нахман Душанский. Буткявичюс также сообщил, что перед войной с В. Ландсбергисом-старшим “работал” начальник отдела контрразведки НКВД Литовской ССР Александр Славин.

По словам Буткявичюса, после войны Славин, будучи начальником оперативной группы НКВД СССР по розыску военных преступников, благодаря помощи того же В. Ландсбергиса, находившегося в то время в Германии, сумел захватить и доставить в Литву генерального советника немецкого комиссара Литвы генерала Пятраса Кубилюнаса.

В подтверждение своих слов Буткявичюс сообщил, что именно Ландсбергис как Председатель литовского Сейма способствовал в 1990 г. получению Славиным литовского гражданства, хотя было известно, что он бывший энкавэдист. Более того, Славину одному из первых в независимой Литве было возвращено имущество, национализированное в 1940 г. Он поспешил его продать и уехать в Израиль. Также беспрепятственно в те годы выехал в Израиль и Нахман Душанский, впоследствии обвиненный в геноциде литовского народа. Взамен Ландсбергис, видимо, получил от Душанского и Славина обещание молчать.

Эти факты Буткявичюс повторно изложил в интервью газете “Laisvas laikraštis” (“Свободная газета”, 2004, январь 3–7, № 12). В этом интервью он сообщил, что незадолго до своего ареста в августе 1997 г., инспирированного Ландсбергисом, он на заседании Сейма озвучил информацию о сотрудничестве последнего с КГБ. По словам Буткявичюса эту информацию позже подтвердил бывший офицер КГБ Литовской ССР Юрас Абромайтис, который в советский период несколько лет “работал” с Ландсбергисом.

В декабре 2000 г. бывший майор КГБ Владас Гульбинас, являвшийся куратором творческой среды, в интервью газете “Lietuvos rytas” (“Утро Литвы”) и литовскому ТВ подробно рассказал о том, что в 1981 г. жена В. Ландсбергиса Ручите-Ландсбергене сумела выехать в Австралию к брату мужа Габриэлису Жямкальнису только по личному распоряжению первого заместителя председателя КГБ Литовской ССР генерала Валентина Звезденкова. Но для этого Гульбинасу пришлось сообщить Звезденкову о том, что ее муж Витаутас Ландсбергис с 1955 г. являлся агентом КГБ, а его отец Витаутас Ландсбергис-Жямкальнис еще в 1927 г. был завербован одним из сотрудников посольства СССР в Литве.

В ответ Ландсбергис инициировал возбуждение уголовного дела против В. Гульбинаса по факту клеветы в печати. После длительного и тщательного расследования, которое осуществляла начальник следственного отдела поли-

ции Вильнюса Д. Букелене, дело было прекращено ввиду отсутствия состава преступления в действиях Гульбинаса. Реально это означало, что факты, изложенные Гульбинасом в его интервью, не являлись клеветой (См. "Opozicija" 2005, № 3/655. "Laisvas laikraštis", 2007, № 37).

В 2003 г. в Литве Витаутас Петкявичюс издал книгу "Корабль дураков", в которой было изложено немало нелицеприятных фактов о В. Ландсбергисе и его отце В. Жямкальнисе. Петкявичюс знал, о чем писал. Они с Ландсбергисом практически одногодки. Учились в одной каунасской гимназии, только Петкявичюс был старше на два класса. Поэтому все грехи юности Ландсбергиса были хорошо известны Петкявичюсу.

Интересовался Петкявичюс и личностью отца Ландсбергиса – В. Жямкальниса, после того как тот в 1959 г. вернулся в Литву из Австралии. Этим Петкявичюсу пришлось заняться по поручению главного редактора республиканской партийной газеты "Tiesa" ("Правда") Г. Зиманаса, как корреспонденту газеты. Одним словом, факты в своей книге Петкявичюс излагал только проверенные.

Однако Витаутас Ландсбергис и его брат Габриэлис (к этому времени уже вернувшийся из Австралии) обратились в прокуратуру по поводу клеветы, порочащей честь и достоинство их отца Витаутаса Жямкальниса, якобы изложенной в книге "Корабль дураков". 20 сентября 2004 г. начался судебный процесс "Ландсбергисы против Петкявичюса".

И тут выяснилось, что Петкявичюс не одинок в попытках рассказать правду о семействе Ландсбергисов. На суде в качестве свидетелей выступили профессор, доктор наук Ксаверас Пурвинскас и уже упомянутый Владас Гульбинас. Их показания были опубликованы в виде статей. 15 декабря 2004 г. газета "Opozicija" ("Оппозиция", № 3/655) перепечатала статью из журнала "Gairės" ("Вежи") под названием "Тайны семейки Ландсбергисов", в которой были изложены показания К. Пурвинскаса на суде.

17 декабря 2004 г. и сам Петкявичюс в газете "Laisvas laikraštis" (№№ 25, 26) изложил аргументы в защиту своей позиции в большой статье под названием "V.Petkevičius prieš V.Landsbergį: kaip kurpiamos politinės bylos" ("Петкявичюс против В.Ландсбергиса: как стряпают политические дела". См: http://www.mediabv.lt/res_zinpr_det.php?id=3973). В основу этой статьи легли выступления Петкявичюса в ходе судебных слушаний.

19 января 2005 г. газета "Opozicija" (№ 3/365) опубликовала статью "Еще один свидетель о тайнах Ландсбергисов". Эта статья была подготовлена В. Гульбинасом на основе показаний, данных им под присягой на судебном процессе "Ландсбергисы против Петкявичюса". Статью на эту тему под названием "В. Ландсбергис против В. Петкявичюса по делу КГБ" Гульбинас подготовил и для "Laisvas laikraštis". (2005, № 1, от 13–27 января).

Интерес представляют комментарии литовского историка Вилюса Маркявичюса на вышеназванную статью Гульбинаса, опубликованные в "Laisvas laikraštis" (2005, № 2, от 27 января – 10 февраля). В комментариях были изложены дополнительные факты, подтверждающие заявления В. Петкявичюса и В. Гульбинаса.

В декабре 2007 г. в связи с возобновлением процесса "Ландсбергисы против Петкявичюса" В. Гульбинас был вынужден вновь вернуться к этой теме. Он опубликовал в "Laisvas laikraštis" (№ 37) статью "О Витаутасе Ландсбергисе". В ней он ещё раз подробным образом изложил всё, что ему было известно о сотрудничестве Ландсбергисов, сына и отца, с НКВД и КГБ. Последняя, известная мне статья Гульбинаса о Витаутасе Ландсбергисе появилась в той же "Laisvas laikraštis" в июне 2008 г. (№ 23) под названием "Резистент № 1" – очевидная историческая ошибка, самое большое несчастье Литвы".

Но наиболее подробное изложение некоторых биографических подробностей семейства Ландсбергисов сделал в заявлении Витаутас Петкявичюс. Он озвучил его на заседании Вильнюсского окружного суда, незадолго до своей смерти. Это заявление под названием "Geriausio Lietuvos rašytojo (Vytauto Petkevičiaus) nuomonė apie fašistinę landsberginę gnydą" ("Мнение лучшего писателя Литвы /Витаутаса Петкявичюса/ о фашистской ландсбергистской гниде") было размещено в июне 2011 г., то есть через два с половиной года после смерти писателя, на сайте (<http://kantas.net/2011/06/11/geriausio-lietuvos-rasytojo-vytauto-petkeviciaus-nuomone-apie-fasistine-landsbergine-gnyda/#more-5319>).

Подобное скрупулезное перечисление источников информации о неблагоприятных делишках семейства Ландсбергисов просто необходимо. Личность Ландсбергиса вызывает ожесточенные споры в литовском обществе. При этом его защитники спекулируют на фактаже, пользуясь тем, что негативная информация о Ландсбергисах, как правило, замалчивается. Многие вышеперечисленные статьи не известны широкому читателю. Поэтому предоставляем возможность каждому, при необходимости, обратиться к первоисточникам.

Начнем с Витаутаса Ландсбергиса-Жямкальниса. Он родился в 1893 г. в Литве, входившей тогда в состав Российской империи. Образование получил в Риге. В 1916 г. окончил Высшую техническую школу. Учился он вместе с Альфредом Розенбергом, будущим имперским министром по делам оккупированных территорий, с которым оказался одногодком. В октябре 1917 г. наш герой оказался в Петрограде, где поддержал большевиков. В итоге Ландсбергис-Жямкальнис был избран делегатом на съезд солдатских депутатов. Там он встретился с начинающим литовским революционером-большевиком Йонасом Валунасом. Эта встреча сыграет важную роль в его жизни.

Вернувшись в Литву, добровольцем вступил в литовскую армию. В 1922 г. Ландсбергис-Жямкальнис продолжил учебу в Римском университете и стал первым литовцем, получившим архитектурное образование в Западной Европе. В 1925 г. вернулся в Каунас и начал работать архитектором. В 1927 г., согласно информации, сообщенной В. Гульбинасу его начальником Р. Сприндисом, был завербован сотрудником НКВД, работавшим под прикрытием в советском посольстве в Каунасе (см. "Opozicija" 2005, № 3/655).

В 1939 г. после возвращения Литве Вильнюса перебрался в новую столицу и стал работать главным инженером-архитектором Вильнюса. Вхождение Литвы в СССР не принесло Ландсбергису-Жямкальнису никаких неприятностей. Наоборот. Председателем Вильнюсского горисполкома стал его давний знакомый Валунас, прибывший в Литву из СССР. Ландсбергис-Жямкальнис стал его замом-советником по архитектурным вопросам.

Оккупация Литвы нацистами также не принесла нашему герою особых проблем. Ему была предложена должность министра коммунального хозяйства во Временном правительстве Шкирпы-Амбразявичюса. Как уже отмечалось, 25 июня 1941 г. В. Ландсбергис-Жямкальнис подписал известное благодарственное письмо Гитлеру, в котором также содержалось положение о национализации имущества, принадлежавшего «евреям и лицам, активно действовавшим против интересов литовского народа».

В перечень обязанностей новоиспеченного министра, помимо коммунальных проблем, входила организация еврейских гетто в городах Литвы. В это же время Ландсбергис-Жямкальнис сотрудничал с советским подпольем, возглавляемым известным нам Валунасом, взявшим себе псевдоним Юозас Витас. Он укрывал членов семьи Витаса на даче в поселке Качергине (под Каунасом) и материально поддерживал подпольщиков.

Вскоре Витас был арестован гестапо, а подполье – разгромлено. Однако укрывателю странным образом удалось выкрутиться из этой смертельно опасной ситуации. Бывший соратник Витаса по подполью, декан юридического факультета Вильнюсского университета Андриус Булота сообщил Петкявичюсу, что все оставшиеся в живых подпольщики обвиняли в «провале» Ландсбергиса-Жямкальниса, но доказательств этому не было (См. "Laisvas laikraštis", 2004, № 26. http://www.mediabv.lt/res_zinpr_det.php?id=3973).

Сам же Ландсбергис-старший в автобиографии, написанной в советские времена, скромно указывал род занятий во время войны: «партизанил». С вой уход на Запад он объяснял желанием спасти сына Габриэлиса, который был вывезен в Германию. И вот здесь начинается невероятное. В Германии, где свирепствовало гестапо, ликовидируя предателей и врагов Рейха, Ландсбергис-Жямкальнис чувствовал себя свободно. Он, в поисках сына, без особых усилий посещал некоторые лагеря и тюрьмы. И это в нацистской Германии. Так вести мог себя только человек, у которого была мощная охранная грамота. Ну не меньше, чем от шефа гестапо Мюллера или главы РСХА (Главного управления имперской безопасности) Кальтенбруннера. Ну а для этого надо было иметь особые заслуги перед Рейхом. Видимо, у Жямкальниса они были.

Как уже говорилось, после войны Ландсбергис-старший остался в Германии и помогал выявлять военных преступников. Известно, что об этих его “подвигах” в советской Литве была даже издана книжка, но никаких сведений о ней не удалось обнаружить. Дополнительно об этом этапе судьбы Ландсбергисов можно прочитать у историка Вилюса Маркявичюса. (См. “Laisvas laikraštis”, 2005, № 2). В 1959 г., в период хрущевской оттепели, Ландсбергис-Жямкальнис вернулся в Литву.

Ну а дальше повторились “чудеса”, аналогичные тем, которые сопровождали его во время пребывания в нацистской Германии. Начнем с того, что решение о том, что “возвращенец” Ландсбергис-Жямкальнис будет жить в Литовской ССР, принималось на самом высшем уровне советского руководства. Достаточно сказать, что постановление о возврате ему дома в элитном поселке Качергине, конфискованного у него в 1944 г., подписывал лично председатель Совмина СССР А. Косыгин.

Тогдашние руководители Литвы Антанас Снечкус и Мотеюс Шумаускас были против возвращения эмигранта. Но с Москвой особо не поспоришь. Ландсбергису был возвращен дом, предоставлена государственная квартира в Каунасе и назначена персональная пенсия союзного значения. Трудоустроен он был старшим архитектором Института городского и сельского строительства в Каунасе. Помимо этого получил право работать на общественных началах в обществе “За возвращение на Родину”, куда вход непроверенным людям был заказан.

В ответ на попытку корреспондента газеты “Tiesa” Витаутаса Петкявичюса выяснить у самого Ландсбергиса-Жямкальниса подробности его возвращения на родину, тот заявил: “Власть знает о моем возвращении всё. Идите и говорите с ней!”

Указания из Москвы относительно Ландсбергиса-старшего были даны как по партийно-советской линии, так и по линии КГБ. Когда Витаутас Петкявичюс по поводу Жямкальниса обратился к тогдашнему председателю КГБ Литовской ССР Юозасу Петкявичюсу, тот ответил: “Я не обсуждаю приказов, я их выполняю”.

О том, что Москва строго контролировала ситуацию с обустройством возвращенца в республике, свидетельствует следующий факт. Тогдашний председатель Каунасского горисполкома Юозас Шерис рассказал Петкявичюсу о том, что получил нагоняй от Снечкуса за то, что с задержкой предоставил Ландсбергису-Жямкальнису не совсем надлежащую квартиру. Снечкус же в свою очередь получил головомойку от Москвы. Остается лишь удивляться степени внимания, которое Москва уделяла такой личности.

О возврате дома Ландсбергису-Жямкальнису партийный актив республики знал, но вот факт получения им персональной пенсии лишь недавно установил литовский историк Витаутас Тининис. Последний сумел найти в архивах благодарственное письмо Ландсбергиса-старшего тогдашнему первому секретарю ЦК Компартии Литвы Антанасу Снечкусу от 14 марта 1973 г. за содействие в получении персональной пенсии (LVVO.F 16895, папка 2, дело 173, л. 102, 135, дело 172, л. 128–130). Этот факт Тининас описал в книге “Sniečkus. 33 metai valdžioje” (“Снечкус. 33 года у власти”. Изд. 1995 г. с. 126. Изд. 2000 г., дополненное, с. 251).

Учитывая, что заслуги Ландсбергиса-Жямкальниса в советском градостроительстве не тянули на пенсии такого уровня, получается, что Советская Литва имела в его лице литовского “Штирлица”, только не ясно, каким хозяевам он более верно служил.

Ну, а теперь перейдем к сыну – Витаутасу Ландсбергису. Родился он в Каунасе в 1932 г. Его мать Она Яблонските-Ландсбергене была дочерью известного литовского лингвиста Йонаса Яблонскиса. Она фанатично верила в литовское возрождение и привила эту веру сыну Витаутасу. С тех пор он жаждал совершить нечто такое, чтобы его имя осталось в истории Литвы, как имя Йонаса Басанавичюса, под председательством которого литовская Тариба 16 февраля 1918 г. приняла Заявление о независимости Литвы.

В 1944 г., отец Витукаса сбежал в Германию с отступающими нацистами. Пришла советская власть. Витукас продолжал учебу в каунасской гимназии “Aušra” (“Заря”). При наступлении комсомольского возраста он публично отрекся от отца и стал полноправным комсомольцем. Сидел Витаутас Ландсбергис на одной парте с закадычным другом Алоизасом Сакаласом, который не

очень любил советскую власть и писал антисоветские листовки, привлекая к этому занятию и других учащихся. В 1949 г. А. Сакаласа арестовали и за антисоветскую агитацию приговорили к восьми годам заключения.

В настоящее время он известный литовский политик. Вот что Сакалас говорит о Ландсбергисе-младшем: “Когда меня еще школьника арестовали, были опрошены все мои друзья. В 1950 г. мне дали подписать дело, и я заметил, что там не было показаний моего товарища по парте. Значит, его не допрашивали. Естественно, возникает вопрос, почему не столь уж близких приятелей допросили, а самого близкого – нет. Безопасность обычно таких ошибок не делает” (См. “Труд-7”. № 210. 10.11.2005).

Заметим, что дело о подпольной организации в каунасской гимназии “Аушра” вел сам начальник отдела Н. Душанский. Впоследствии, после освобождения Сакаласа, Ландсбергис в разговоре с бывшим другом допустил непростительный “прокол”. Он заявил, что после ареста Сакаласа сотрудники НКВД (возможно, Душанский) приглашали его для беседы на конспиративную квартиру. В ответ Сакалас резонно заметил: “Они не приглашают на конспиративную квартиру человека, который не сотрудничает, иначе эта квартира станет известной”. И хоть эта информация является косвенной, но она весьма однозначно свидетельствует об особых отношениях юного Ландсбергиса с НКВД и Душанским уже в 1949 году.

В. Петкявичюс в книге “Корабль дураков” пишет, что при приеме Ландсбергиса в комсомол возникли вопросы по поводу его отца. Однако комсорг гимназии А. Раманаускас пояснил членам комсомольского бюро, что именно Витаутас помог раскрыть созданную в гимназии подпольную антисоветскую организацию. Комментарии, как говорится, излишни.

По свидетельству непосредственного начальника известного нам В. Гульбинаса Р. Сприндаса, Ландсбергис-младший был завербован в Каунасе в 1955 г. сотрудником КГБ Н. Душанским. Впоследствии с Ландсбергисом как агентом КГБ работал А. Славин. В Клайпеде, где Ландсбергис работал с 1974-го по 1978 г., его курировал лично начальник горотдела КГБ Д. Абромайтис.

В начале 2000-х годов тяжело больной Д. Абромайтис в больнице, в присутствии депутатов Сейма А. Сакаласа и В. Чяпаса, а также прокурора Генпрокуратуры Литвы Ч. Наринкявичюса дал подробные показания о тайном и сознательном сотрудничестве отца и сына Ландсбергисов с КГБ. Показания Абромайтиса были записаны на магнитофон, но эта запись из сейфа литовской Генпрокуратуры таинственным образом исчезла в период всевластия В. Ландсбергиса. Абромайтис умер в 2002 г., и восстановить его свидетельство невозможно. В этой связи писатель Петкявичюс в ходе судебного заседания спросил Ландсбергиса, куда пропала эта запись? Ландсбергис предпочёл промолчать. Суд с такой позицией истца согласился (См. “Opozicija”, 2005, № 3/655).

В начале “чекистской карьеры” Ландсбергис выбрал себе гордый и значительный псевдоним “Витаутас”. Позднее, боясь слишком явной аналогии с собственным именем, он заменил его на “Dedulę” (“Дядюшку”). Агентурные доносы на своих коллег и хорошо знакомых людей вплоть до 1978 г. Ландсбергис подписывал именно этим псевдонимом (См. “Opozicija” (№ 3/365), “Laisvas laikraštis”, 2007, № 37).

Несомненно, что первое время Ландсбергис исправно информировал своих хозяев и о деятельности инициативной группы “Саюдиса”. Ну а потом ситуация изменилась. Ландсбергис стал хозяином, а КГБ, как в Вильнюсе, так и в Москве предпочло промолчать о грешках Ландсбергиса.

В результате советская власть в Литве создала все условия для воспитания и становления своего могильщика в лице Ландсбергиса-младшего. А когда покровители из КГБ поставили его во главе “Саюдиса”, то Ландсбергис с блеском использовал предоставленную ему возможность. Почувствовав перспективы, которые для него открывал “Саюдис”, он решил пойти “ва-банк”. Ландсбергис понял, что создалась редкая возможность задвинуть “ставленников Москвы” и, провозгласив независимость Литвы, стать полным хозяином республики.

Задачу облегчал тот факт, что тогда первым секретарем ЦК Компартии Литвы был Рингаудас Сонгайла, хороший хозяйственник, но весьма нерешительный и колеблющийся политик. При нем “Саюдис” мог не опасаться командного окрика или серьезного противостояния.

Удивительно, но в 1989–1991 годах бывший музыковед Ландсбергис, не имея юридического и дипломатического образования, успешно “пинал” кремлевских деятелей на международной арене. Занимается он этим и сегодня. К сожалению, в России, как в свое время в СССР, на официальном уровне пока не появились дипломаты и юристы, способные достойно противостоять этим доморощенным прибалтийским правоведам-политикам.

Вывод из вышесказанного один. Рассчитывать на лояльность подлецов-коллаборационистов типа Ландсбергисов в серьезных делах, касающихся устойчивости государственной системы, просто преступно. При случае они сдадут, не раздумывая. Это правило руководство КГБ в 1980-х, видимо, забыло. Утешает лишь одно. Ситуация с созданием движения “Талибан” в Афганистане и с бывшим американским агентом Усамой Бен Ладеном свидетельствует, что и ЦРУ совершило ту же ошибку.

Политическая амнезия

В большинстве случаев любой разговор с литовским политиком о советском периоде неизменно сводится к заявлению последнего о том, что если бы не советская оккупация, то Литва по уровню социально-экономического развития находилась бы на уровне Финляндии. При этом нередко утверждается, что Литва и в 1940 г. была чуть ли не на уровне Финляндии или Дании.

В этой связи несколько слов о Финляндии. Как известно, Великое княжество Финляндское находилось в составе Российской империи с 1809 г. по 1917 г. Литва (уже утратившая статус Великого княжества Литовского) вошла в Российскую империю в 1795 г. по итогам третьего раздела Речи Посполитой. В 1915 г. она была оккупирована кайзеровской Германией, а в 1918 г. провозгласила независимость. Как видим, время пребывания Финляндии и Литвы в составе Российской империи примерно одинаковое. Но результаты этого пребывания существенно отличаются.

Финны хоть и не любили русских, но пребывание в Российской империи воспринимали как неизбежное зло и стремились извлечь из него максимальную выгоду. В отношениях с империей, в отличие от постоянно бунтовавших поляков и литовцев, финны вели себя весьма лояльно.

В результате император Александр II согласился предоставить финскому языку статус государственного. По повелению российского императора была фактически заново спроектирована и выстроена столица Великого княжества Финляндского – Гельсингфорс (Хельсинки).

В российской империи Финляндия пользовалась значительными льготами и привилегиями. Она получила свою почтовую службу и органы правосудия, а с 1860-х собственную денежную систему. Финны были освобождены от прохождения обязательной службы в русской армии. Соответственно благосостояние населения росло, а его численность практически удвоилась с 1815-го по 1870 год.

После Второй мировой войны Финляндия сделала упор на развитие торгово-экономических связей с СССР. Это способствовало ускоренному становлению судостроительной промышленности, продукция которой шла в СССР. Получение из Союза дешевой нефти, угля и природного газа позволило создать мощную систему тепловых электростанций, которые были дополнены системой гидроэлектростанций. В итоге накануне XXI века экономический потенциал позволил Финляндии наладить не только производство оборудования мирового уровня для целлюлозно-бумажной промышленности, но и стать ведущим европейским производителем мобильных телефонов.

Ничего подобного мы не наблюдаем в Литве. Как отмечалось, обретение независимости в 1918 г. не внесло особых изменений в экономический потенциал республики. Напомним, что советское правительство, подписав в 1920 г. договор с Литовской Республикой, выделило ей 3 миллиона золотых рублей, положив начало золотому запасу. Но буржуазное правительство даже не смогло реализовать проект строительства гидроэлектростанции на реке Нямунас в районе Каунаса. Эта гидроэлектростанция была построена уже в советское время за счет средств союзного бюджета.

Довоенная Литва была аграрной страной. В промышленном производстве было занято около 40 тыс. рабочих. В основном, промышленность состо-

яла из массы кустарных мастерских с числом работников не более пяти. В городах на биржах труда числилось 58 тысяч безработных. Из крупных предприятий в Литве действовала табачная фабрика “Континенталь”, чулочная “Котон” и спичечная Крейгера. Все, что посложнее, — веялки, плуги, сноповязалки, велосипеды, швейные машины и т. п. Литва ввозила из Англии и Германии.

На селе избыточная рабочая сила составляла более 200 тысяч человек, 40 тысяч крестьянских хозяйств были пущены с молотка. За период с 1923-го по 1939 г. из Литвы за границу выехало около 100 тысяч человек. Родители моих родственников по линии жены в этот период эмигрировали из Литвы в Бразилию. В Литву они вернулись в 1957 г. Недостаток бытовой техники, проблемы с приобретением автомашин и другого советского “дефицита” воспринимались ими спокойно. Они говорили: “Со временем и это все будет. Зато у вас есть постоянная работа, гарантированное медицинское обслуживание, пенсия и, главное, уверенность в завтрашнем дне”.

Что же касается экономических показателей, по которым довоенная Литва была, якобы, на уровне Финляндии, то вот они. По производству и потреблению электроэнергии Литва занимала одно из последних мест в Европе (всего 80 млн кВтч в 1940 г.). Лишь 19% литовцев знали, что такое электричество. Урожайность зерновых составляла немногим более 9 ц/га. В лучший период 1938/39 г. Литва произвела мяса (в убойной массе) 180 тыс. т, молока — 1240 тыс. т на 4430 тыс. га сельскохозяйственной. От одной коровы в среднем в год надаивалось 1400 кг молока. Даже без статистики ясно, что до финских показателей здесь далеко.

Бывший премьер-министр (1920–1922 гг.) и президент Литвы (1926 г.) от крестьянской партии “ляудининков” д-р Казис Гринюс (Kazys Grinius) в календаре благотворительного общества “Капля молока” за 1939 год сообщил результаты своего обследования 150 крестьянских хозяйств.

По его данным, 76% обследованных литовских крестьян носили деревянные башмаки, только 2% — кожаные ботинки. Всего 1% женщин имели ночные рубашки, 19% женщин не употребляли мыла. Паразиты имелись в 95 семьях из 150. Мясо ежедневно ели 2% обследованных, четыре раза в неделю — 22%, реже — 7%, остальные совершенно не видели мяса на столе. 19% детей умирали, не достигнув года.

Тот же Гринюс в статье, опубликованной в газете “Lietuvos žinios” (Литовские вести) за 25 января 1940 г., сообщал, что в Литве 150 тысяч больны туберкулезом. Около 80% детей больны рахитом. Соответственно, смертность в Литве превышала рождаемость и, если так продолжалось бы, то через 150 лет литовский народ должен был вымереть.

Основываясь на данных 1939 г., советский литовский экономист К. Мешкаускас в своей книге “Tarybu Lietuvos industrializavimas” (“Индустриализация Советской Литвы”) подсчитал, что рабочий в буржуазной Литве, если брать 8 часов рабочего дня, для себя работал 2 часа и 15 мин., а для капиталиста — 5 часов и 45 мин.

Неудивительно, что в буржуазной Литве забастовки рабочих были постоянным явлением. Всего в период 1930–1940 гг. в Литве произошло 765 забастовок экономического характера, в которых участвовал 96 371 рабочий. В тот же период произошло 145 забастовок политического характера, в которых участвовали 48 152 рабочих.

Заметим, что Литва была аграрным краем с неразвитой промышленностью. 76% всех жителей жили в деревне. Здесь, в условиях избытка сельскохозяйственных рабочих, эксплуатация была просто дикой. Если в 1930–1931 гг. сельские рабочие получали 400–500 литов в год, то уже в 1932 г. издаются “Нормативные условия найма”, по которым зарплата батраков становится 350 литов в год, но ее можно было уменьшить и до 245.

Условия, в которых приходилось жить литовским батракам, напоминали рабские. Газета Союза литовских христианских рабочих “Дарбининкас” 6 марта 1934 г. писала: “По всей Литве жизнь дворянских батраков в большинстве как в пещерах. По-человечески ли это, если по гнилым подоконникам гуляет ветер, окна забиты тряпками, дым идет больше вовнутрь, чем через камин, нет никакого пола, только ямы и грязь, в которой ползает грязный маленький дитя”.

После вхождения Литвы в СССР с безработицей было покончено в кратчайшие сроки. В 1940 г. было создано 56 тысяч рабочих мест. В 1941 г. —

187 тысяч. В сентябре-октябре 1940 г. была проведена земельная реформа, по которой землю получили около 75 тыс. безземельных и малоземельных крестьян.

После войны Литва стала одной из самых динамично развивающихся республик в Союзе. Были построены крупные промышленные предприятия не только в Вильнюсе и Каунасе, но и в большинстве районных центров. Достаточно сказать, что в заштатном районном центре Утена, где я начинал свою трудовую деятельность, до войны действовали лишь мини-маслозавод и лесопилка с десятком рабочих. Зато в 60-е годы были построены трикотажная фабрика, мощные пивной и мясокомбинаты, завод лабораторных электропечей. Советские «оккупационные» железнодорожные войска в ударные сроки построили ширококолейную железнодорожную ветку, соединившую Утену с Вильнюсом. Дополнительно была проложена и двухполосная скоростная «бетонка». И так по всей Литве. Темпы роста промышленного производства в Литовской ССР были в три раза выше, чем в среднем по Союзу.

До перепродажи полякам успешно работал на российской нефти Мажейкский нефтеперерабатывающий завод («Mazeikiu nafta»), построенный в советское время. Благодаря этому бюджет Литвы ежегодно получал 200 млн долл. США. Настоящими воротами Литвы в Европу стала паромная переправа Клайпеда – Мухран, также построенная в советское время. Её строительство обошлась союзному бюджету в несколько миллиардов рублей (считай долларов). Сегодня в Литву паромами ввозится значительная часть подержанных иномарок из Германии, которые потом, будучи отреставрированными в бесчисленных литовских автомастерских, продаются в Россию.

В советское время была заново создана энергетика республики. Рядом с мощнейшей Литовской ГРЭС им. Ленина был выстроен современный город Электренай. В 1983 г. заработал первый блок Игналинской атомной электростанции (31 декабря 2009 г. Игналинская АЭС по указанию из Брюсселя прекратила свою работу навсегда). В итоге производство электроэнергии в 1985 г. в Литве выросло по сравнению с 1940 г. в 258 раз и составило почти 21 млрд кВтч, что позволило полностью электрофицировать все города, поселки и хутора, а также на 100% механизировать доение коров, на 98% – подачу воды и на 71% – раздачу кормов скоту. Это уже на уровне европейских показателей.

При советской власти Литва стала страной сплошной грамотности и по количеству студентов на 10 тысяч жителей опережала Японию, Англию и Западную Германию. Были построены современные здания для Литовского драмтеатра, театра оперы и балета, Паневежского драмтеатра, слава о котором гремела по всему Союзу. Вильнюс украсили Дворец спорта и одна из самых высоких в Европе телебашен. Пouchиться жилищному строительству в Литву приезжали со всего Союза.

При этом в Советской Литве бережно относились к сохранению исторического наследия и традиций. Широко проводились всенародные праздники песен. Был создан этнографический музей под открытым небом в Румшишкес. Литовские реставраторы первыми в Союзе стали восстанавливать исторические памятники (Тракайский замок) и Старый город в Вильнюсе.

Надо отметить, что столь динамичное и сбалансированное развитие Литвы во многом было обусловлено мудрой (такое определение в данном случае наиболее точно характеризует ситуацию) политической многолетнего руководителя Литвы Антанаса Снечкуса, который с 1936 г. по 1974 г. возглавлял Компартию Литвы. Он был настоящим патриотом Литвы, что бы сегодня о нем ни говорили современные литовские политики и историки.

Позиции республики Снечкус умел отстаивать и в кабинете Сталина, и в кабинете Хрущева, и в кабинете Брежнева. После войны Литва стала убежищем для многих советских интеллигентов и партработников из России и других республик, ставших жертвой ложных доносов. Судьбой некоторых из них занимался сам Снечкус. Во времена «кукурузомании» некоторые председатели колхозов, спасая традиционное литовское земледелие, занимались, как тогда говорили, «вредительством», так как сеяли кукурузу только по периметру полей с зерновыми. Снечкус к этим фактам относился с пониманием.

Аналогично он поступил и во время бездумных хрущевских установок «догнать и перегнать Америку по производству мяса». «Гонка» не нанесла серь-

езного ущерба сельскому хозяйству Литвы, хотя в России секретари некоторых обкомов КПСС стрелялись, так как ради высоких показателей вынуждены были полностью пускать крупный рогатый скот на мясо.

Снечук не побоялся использовать бюджетные средства на реконструкцию Тракайского замка, что могло дорого обойтись ему. Но судьба хранила Снечука и в тот раз. Сегодня его имя незаслуженно забыто и оболгано. Но пройдет время, вырастет новое поколение, и все станет на свои места.

Не секрет, что Литва, как и другие республики Прибалтики, занимала в Союзе привилегированное место. Она получала из союзного бюджета в разы (до 3 раз) больше капсредств, чем ведущие российские области, в том числе и черноземные. В ЦК КПСС выезд работников отраслевых отделов в Литву, Латвию и Эстонию котиrowался на уровне выезда в соцстраны.

В 1988 г. Бразаускас, будучи секретарем ЦК Компартии Литвы по экономике, на одном из совещаний сообщил, что Литва в период 1970–1985 гг. на мелиорацию и строительство дорог получила из союзного бюджета практически столько же средств (более одного миллиарда рублей), сколько соседняя Белоруссия, территория которой в 3,2 раза больше территории Литвы.

Советские руководители Литвы с гордостью подчеркивали, что республика по целому ряду социально-экономических показателей находится на уровне развитых европейских стран. И это было правдой. Но пришла независимость по Ландсбергису.

Интересна оценка правления Ландсбергиса литовским историком Людасом Труской. Отвечая корреспонденту “Экспресс-недели” об истоках нынешнего социально-экономического кризиса в Литве, он отметил: “Все началось гораздо раньше, когда в 1991–1992 годах, после восстановления Литовского государства, закладывались краеугольные камни литовской экономики. Тогда большинство в Верховном совете Литвы составляло правое крыло “Саюдиса”. Они пробыли у власти до осени 1992 года, успев разрушить колхозы, провести приватизацию основных предприятий и сельскохозяйственных земель. Когда же в 1992 году к власти пришла Демократическая партия Литвы во главе с Бразаускасом, основные законы уже были приняты, поменять их было невозможно”.

Следует добавить, что приватизация основных предприятий, в том числе союзного подчинения, в Литве превратилась в банальный грабёж и разрушение. Практически весь потенциал, созданный за советский период, за два года варварским способом был расчленен и распродан. После этого сравнение с Финляндией выглядит просто насмешкой.

Я почти четверть века непосредственно имел дело с промышленностью Литвы и хорошо знал ее научно-технический потенциал. Литва располагала научно-технической базой для того, чтобы стать производителем современного точного металлообрабатывающего оборудования мирового уровня. Солидная основа была и для развития радиоэлектроники. В Литве вполне мог бы быть создан концерн, способный составить реальную конкуренцию той же финской “Нокиа”.

Напомню, что вильнюсское производственное объединение “Вильма”, специализирующееся на производстве звукозаписывающей техники, первым в Союзе (в 1980 г.) получило право на кооперацию с японскими фирмами. Роботизированными комплексами, созданными умельцами вильнюсского завода “Пласта”, восхищались не только специалисты из московского НИИ автоматизации, но и зарубежные делегации. Станки, изготавливаемые в инструментальном цехе вильнюсского завода сверл, по некоторым параметрам превосходили аналоги ведущих мировых фирм. И это были не единичные примеры. При надлежащей модернизации эти отрасли были бы способны стать локомотивом развития экономики республики. К сожалению, сегодня всё это безвозвратно утрачено.

Выразительны цифры, обнародованные в статье ведущего литовского экономиста, доктора экономических наук Юлюса Весялки “Крах по-литовски...”, опубликованной в газете “Литовский курьер” (№19/727, от 11–17.05.2000 г.). Весялка считает, что “Литва, развиваясь в направлении чистого капитализма и свободного, дикого рынка, с 1991-го по 1998 год потерпела следующий ущерб:

– в секторе сельского, лесного, рыбного хозяйства не произведено сово-

купного внутреннего продукта (СВП) на 170 миллиардов литов (1 доллар США тогда равнялся 4 литам);

- в промышленности – на 1300 миллиардов литов;
- в строительстве – на 60 миллиардов литов;
- всего – на 1530 миллиардов литов.

... Из-за снижения рождаемости Литва лишилась 230 тыс. человек

... С 1993-го по 2000 год внешнеторговый дефицит Литвы со странами ЕС составил 17,7 млрд литов. По этой причине она лишилась 680 тыс. рабочих мест. Также надо учитывать, что до 2000 г. в долг на Западе уже взято 3,8 млрд долларов, или 15,3 млрд литов”.

По данным ИА Regnum, 2010 год Литва завершила с государственным долгом около 36 млрд литов. Только за один 2010 год госдолг вырос в два раза.

Добавим, что к настоящему времени более 500 тыс. граждан Литвы в основном квалифицированных специалистов, навсегда выехали из республики в поисках лучшей жизни. Ежегодно они создают внутренний валовой продукт на 70 млрд литов, из которого в Литву поступает лишь 10%. По предварительным данным переписи, проведенной в мае 2011 г., за последние 20 лет (1991–2011 гг.) численность населения Литвы уменьшилась с 3,7 млн до 3,0 млн человек. И даже если эти данные не совсем точны, убыль населения в Литве в годы капиталистического хозяйствования является катастрофической, о чем свидетельствуют ряд авторитетных литовских экспертов. Это можно назвать гуманитарным геноцидом литовской нации.

После вышеизложенного остается надеяться, что когда-нибудь наступит день, и литовское общество осознает, где его друзья, а где враги.

Обреченные быть рядом

Литовские политики и историки для подкрепления утверждений об особой атмосфере национальной и конфессиональной терпимости в современной Литве постоянно ссылаются на историю Великого княжества Литовского. Судя по сохранившимся сведениям, это было действительно уникальное государство. Люди разной национальности и вероисповедания чувствовали себя в нем комфортно.

Но можно ли считать, что современная Литва сохранила эти традиции? Хотелось бы верить. Однако на конференции русских, живущих в Литве, состоявшейся весной 2010 г. в Клайпеде, многие участники говорили об активизации в Литве антироссийских радикальных националистических сил (см. материалы ИА Regnum от 23–29.08.2010).

Это подтверждает эпизод, произошедший в августе 2010 г. на литовском телевидении. Известная фигуристка, в течение многих лет достойно представлявшая Литву на международных ледовых аренах, Маргарита Дробязко как член жюри телешоу “Танцуй со мной” посмела дать оценку участникам шоу на родном ей русском языке.

В литовских СМИ это вызвало целую бурю эмоций по отношению не только к русским и их языку. Оказывается, говоря по-русски, Дробязко “наплевала на Закон о Государственном языке”. Ее не постеснялись обвинить в “тупоумии”. Интересно, вызвало бы подобную реакцию мнение Маргариты, если бы она высказала его по-английски?

Как уже говорилось, литовские политики и историки не стесняются интерпретировать исторические события в нужном для себя свете. На уровне политического руководства страны формулируются оценки какого-либо периода истории, а затем историки подбирают под эту концепцию соответствующие аргументы и факты. Но следует иметь в виду, что всегда могут найтись авторитетные ученые, которые аргументированно докажут сомнительность этих аргументов.

Это продемонстрировал эстонский профессор, ректор Таллинского университета, известный поэт, философ и общественный деятель Рейна Рауд в феврале 2008 г. Он прибыл в Литву по поводу награждения его крестом ордена “За заслуги перед Литвой”. Однако это не помешало Рауду высказать критическое суждение по поводу стремления литовских политиков и историков представить современную Литву как продолжательницу Великого княжества Литовского.

Отвечая на вопросы литовского информационного агентства “Delfi”, Рауд заявил: “Мне хочется отметить, что литовцы часто ведут себя так, словно их современное государство — Литовская Республика — прямое продолжение Великого княжества Литовского (ВКЛ), словно оно — огромно, хотя на самом деле маленькое — как по территории, так и по численности населения. Одно дело, когда это красивое чувство, гордость за прошлое, и совсем другое, когда современная политическая практика основывается на категориях того времени. Иногда хорошо заметно, как историческое сознание определяет действия сегодняшних политиков.

... ВКЛ называлось Литовским княжеством, но территория нынешней Литвы составляет лишь 1/15 часть бывшей территории ВКЛ. Литовский язык в княжестве не был широко распространен, разве только среди крестьян. А Великое княжество Литовским назвали только потому, что его создала династия литовского происхождения — Гедиминовичи. Они когда-то говорили по-литовски, но затем начали использовать русинский язык — особенно те Гедиминовичи, которые владели восточными территориями — землями Смоленска, Полоцка и так далее. Вряд ли они по прошествии нескольких поколений могли бы договориться друг с другом по-литовски.

Я понимаю, что существование ВКЛ — славное прошлое литовцев, но прямой связи между ВКЛ и современной Литовской Республикой я не вижу. Надо различать старое — династическое — и современное национальное понимание государственности. Это разные вещи, совершенно разные формы организации общества”.

Эстонский ученый также раскритиковал устремления литовских политиков, идущие от геополитических амбиций Великого княжества Литовского — считать Литву “региональным лидером”. Рауд заметил, что: “Иногда заметно, как историческое сознание влияет на действия современных политиков”. Эстонский философ подверг критике попытку Литвы изображать великого геополитического лидера. “Это желание стать лидером мне кажется несколько смешным. Почему обязательно нужно быть лидером и свои действия организовывать, оглядываясь на то, помогает это стать лидером или нет. Я полагаю, что нужно руководствоваться не целью лидерства, а моральными, политическими, демократическими принципами, которые помогли всей Восточной Европе освободиться. Я не политолог и не стану углубляться в политологический анализ, однако даже от самих литовцев я слышал, как они говорили — ну, вот мы маленькие, но ведем себя, как если бы были очень большие”.

Эстонский профессор считает, что “смешные” амбиции Литвы мешают как раз выработке согласованных действий между Литвой и двумя другими странами Прибалтики. “Еще одна проблема состоит в том, что Литва, как мы уже говорили, хочет стать лидером “восточного соседства”. Поощряет ли такое желание сотрудничество с Латвией и Эстонией? Думаю, что нет”.

Добавить к этому что-то сложно. Литовским политикам остается лишь сделать конструктивные выводы из этой критики. А мы совершим небольшой экскурс в историю российско-литовских отношений.

В Европе немного стран, которых, как Литву, объединяли бы с Россией столь многочисленные страницы общей истории. Начнем с того, что на фризе известного памятника “Тысячелетие России”, установленного в 1862 году в Новгороде Великом, из 109 бронзовых фигур наиболее значительных фигур истории государства Российского не русских — восемь, и пять из них являются представителями Великого княжества Литовского.

В разделе “государственные люди” России изображены три Великих князя Литовских: Гедимин (в литовской истории известный, как Гедиминас), Ольгерд (Альгирдас) и Витовт (Витаутас). Среди “военных людей и героев” России рядом с бронзовым князем Александром Невским находится скульптура литовского князя, а впоследствии князя Псковского Довманта (Даумантаса). Рядом с фигурой героя Куликовской битвы великого князя Владимирского и Московского Дмитрия Донского стоит Великий князь Литовский Кейстут (Кястутис).

Литовские князья на памятнике “Тысячелетие России” представляют период примерно с середины XIII до середины XV века. Это было время, когда значительная часть Древней Руси оказалась под монголо-татарским игом. Разобщенные и враждующие русские княжества не смогли оказать достойного

сопротивления монголо-татарской Орде, скрепленной в единый монолит волей Чингисхана. Не смогли противостоять русичи и последующим набегам полчищ внука Чингисхана Батыя. В этот сложный для древней Руси период, вплоть до конца XIV века Литва, а точнее Великое княжество Литовское (ВКЛ) оказалась вторым центром собирания русских земель.

Появление этого государственного образования является, по историческим меркам, достаточно внезапным. Во времена Киевской Руси о нем никто не слышал. Русские хроники X–XII веков свидетельствуют, что территории, на которых проживали прибалтийские племена находились под владениями русских князей, прежде всего, Полоцких, поскольку платили им дань.

В Ипатьевской летописи под 1180 годом полоцкие князья Всеслав Микулич, Андрей Володшич, Изяслав и Василько упоминаются также как князья Литвы. В летописи также перечисляются их владения в составе Полоцкого княжества: Браслав, Воложин, Заславль, Логойск. В 1190 г. среди этих владений упоминается Минск. В Псковской летописи под 1213 годом упоминают “литовский князь” Владимир Торопецкий, брат новгородского князя Мстислава Удалого. И даже в 1239 г. полоцкие князья ещё именуется князьями Литвы.

Государственность возникшего позднее Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского в определенной мере являлась продолжением древнерусской. О том, какое место занимал славяно-русский компонент в Литовском княжестве, наглядно свидетельствуют следующие факты.

Известно, что “Русская Правда” Ярослава Мудрого долгое время являлась основным источником права, регулирующим государственно-правовую жизнь Великого княжества Литовского. Языком официальных документов ВКЛ был западно-русский письменный язык, называемый также русинским или руським. На нём написан “Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.”. Традиции этого языка более всего чувствуются в белорусском и украинском языках. Отказ от русиновского языка произошел вследствие полонизации политической и культурной жизни ВКЛ, бурно начавшейся в конце XVI века.

Особый интерес представляет 3-й параграф постановления Люблинского сейма от 1 июля 1569 г. об унии Великого княжества Литовского с Коронай Польской. Там говорится, что “избранник при избрании и короновании должен быть тотчас же провозглашен королем польским и великим князем литовским, русским, прусским, мазовецким, жемойтским, киевским, волинским, подляским и лифляндским” (подчеркнуто нами. – **В. Ш.**). Из этого следует, что по старшинству русский компонент являлся вторым после литовского.

Некоторые историки не без оснований полагают, что Великое княжество Литовское было, по сути, Русью Литовской. Поэтому литвины на Руси не всегда воспринимались, как инородцы. В этой связи заявления об извечной исторической вражде Литвы и России являются тенденциозно преувеличенными.

Следует признать, что Великое княжество Литовское для западных древнерусских княжеств явилось своеобразным щитом, защитившим их от немецкой колонизации и монгольского ига. Его правители: Гедимин, Ольгерд и Витовт позволили этим княжествам сохранить самобытность, язык, культуру и веру, ограничиваясь лишь платой дани. В дальнейшем именно это безболезненно позволило сделать эти территории органической частью Российской империи. Видимо, не случайно великие князья Литовские Гедимин, Ольгерд и Витовт были увековечены на памятнике “Тысячелетие России”.

Следует отметить еще один важный аспект связи Великого княжества Литовского и Московской Руси. Известно, что военное могущество Руси в XIV–XVI веках во многом прирастало выходцами из княжества Литовского. Многие из них стали великими государственными деятелями Руси и России. Начнем с литовского князя Довманта (Даумантаса). Он вместе с 300 литовскими семьями своих сторонников в 1265 г. перебрался в город Псков. Псковское княжество было форпостом российских земель и постоянно подвергалось набедам датчан и ливонских рыцарей. Военные таланты Довманта были замечены псковичами, и через год он был избран князем Псковским.

Как зафиксировано в летописи, во втором браке женой Великого князя Литовского Гедимина (Гедиминас, 1315–1341) была русская православная княжна из Смоленска Ольга Всеволодовна. Женой Великого князя Литовского Ольгерда (Альгирдас, сын Гедиминас, 1345–1377) была русская тверская княжна Ульяна. Ягайло, их сын, стал родоначальником польской династии Ягеллонов. Напомним, что внуки Гедимина, сыновья Ольгерда, князь Псков-

ский Андрей Ольгердович и князь Брянский Дмитрий Ольгердович приняли участие в Куликовской битве (1380 г.) на стороне Дмитрия Донского.

Женой московского царя Василия I (сына Дмитрия Донского, 1389–1425 гг.) была Софья Витовтовна, дочь Великого князя Литовского Витовта (Витаутаса 1392–1430). Она сыграла заметную роль в русской истории того времени. Женой московского царя Василия III (1505–1533) была литовская княжна Елена Глинская. В 1530 г. у них родился сын Иоанн (будущий Иван IV Грозный).

В целом немало потомков Великого князя Литовского и Русского Гедимино-на избрали своим отечеством Великое княжество Московское. В России Гедиминовичи стали второй по знатности после Рюриковичей княжеской ветвью. Практически все они были важной частью русской высшей аристократии и с XV в. играли видную роль во многих событиях истории России. Гедиминовичи стали основоположниками известных российских княжеско-боярских родов: Голицыных, Куракиных, Хованских, Полубинских, Трубецких, Патрикеевых, Бельских, Волынских, Мстиславских, Булгаковых и Щенятевых.

Кстати, на памятнике “Тысячелетие России” присутствуют ещё два персонажа, ведущих свое происхождение от Гедимино-на. Это князь-воевода Даниил Васильевич Щеня и генерал-фельдмаршал времен Петра I Михаил Михайлович Голицын. Оба они потомки старшего внука Гедимино-на – Патрикея Наримановича.

Массовый отъезд православной литовской шляхты в московские владения продолжался и после Витовта. Это происходило вследствие обострения конфликта между набирающим силу католическим окружением литовских великих князей и православной знатью. Этот процесс особенно усилился после принятия в 1596 г. Брестской церковной унии, которая серьезно ущемила в правах православную церковь в едином польско-литовском государстве Речи Посполитой.

Литва и Россия связаны не только совместной историей, но и судьбами конкретных людей. В этом плане якобы существующая вековая историческая неприязнь литовцев к русским, которую пропагандируют некоторые литовские политики и историки, является, мягко говоря, вымыслом.

Даже во времена жесточайшего противостояния Великого княжества Литовского и княжества Московского, когда на “кону” стояло будущее государств, отношения между Литвой и Москвой были более конструктивными и прагматичными, нежели в “цивилизованном” XX веке.

Сегодня Литовской Республике и Российской Федерации нечего делить. По крайней мере, Россия к Литве не имеет претензий. Можно было бы начать отношения с чистого листа, “обнулив счетчик взаимных обид”, как предложил в 2006 г. тогдашний российский президент Владимир Путин. Тем более что ни Литва, ни Россия не могут изменить своего географического положения. Они обречены находиться рядом. Как известно, дружба между соседями только способствует их процветанию. Для Литвы и России этот аспект сегодня крайне важен.